

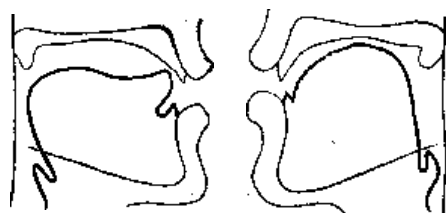
МСКЛ

Московская студенческая конференция
по теоретической и прикладной лингвистике

в рамках
Международной молодежной научной Олимпиады «Ломоносов-2006»

Москва, 14 апреля 2006 года

Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

М С К Л

Московская студенческая конференция
по теоретической и прикладной лингвистике

в рамках
Международной молодежной научной Олимпиады
«Ломоносов-2006»

Москва, МГУ
14 апреля 2006 года

[Эта страница намеренно оставлена пустой]

Предисловие

Дорогие друзья!

С большим удовольствием приветствуем Вас на Московской студенческой конференции по теоретической и прикладной лингвистике, проходящей в рамках Международной молодежной научной Олимпиады «Ломоносов-2006». Этот буклет объединяет тезисы докладчиков МСКЛ, их контактную информацию, а также практические сведения, связанные с конференцией.

На МСКЛ было подано около 40 работ из самых разных городов и стран — из Барнаула, Воронежа, Гомеля, Кемерова, Минска, Москвы, Санкт-Петербурга, Ташкента, Томска, Тюмени, Ульяновска и Челябинска. Из них мы выбрали самые интересные и многообещающие, и мы очень рады, что на конференции, вопреки её названию, представлены работы не только московских студентов и аспирантов, но и молодых исследователей из Кемерова, Санкт-Петербурга, Томска и других городов.

В организацию МСКЛ внесли большой вклад те, кто рецензировал тезисы и нес нелегкое бремя решений, связанных с принятием или отклонением докладов. Без этих людей конференция никак не могла бы состояться. Мы выражаем искреннюю благодарность рецензентам П. М. Аркадьеву, М. Е. Бабичевой, А. А. Бонч-Осмоловской, Е. Г. Былинной, Н. В. Востриковой, К. А. Киселёвой, Н. С. Матвеевой, С. А. Минору, Д. А. Паперно, В. А. Плауняну, А. С. Старостину, С. Г. Татевосову, М. А. Цюрупе и И. С. Яновичу.

Заведующий Кафедрой теоретической и прикладной лингвистики и почётный председатель Оргкомитета МСКЛ А. Е. Кибрик на протяжении всей подготовки конференции неутомимо поддерживал в нас энергию и интерес к делу, за что мы искренне ему благодарны. Организации конференции способствовала также воля руководства Филологического факультета МГУ в лице декана М. А. Ремнёвой. Особую благодарность за поддержку и содействие мы выражаем координатору Международной молодежной научной Олимпиады «Ломоносов-2006» на Филологическом факультете Е. И. Кисловой.

Искренне надеемся, что МСКЛ станет ежегодным мероприятием, объединяющим молодых исследователей и способствующим развитию российской лингвистики и её дальнейшей интеграции в мировое научное сообщество.

С пожеланиями плодотворной работы на МСКЛ

Филипп Дудчук
Наталья Ивлиева
Александр Подобряев

Содержание

Программа МСКЛ	1
Практическая информация	2
Тезисы докладов	4
<i>Пётр Аркадьев</i> . Кодирование семантической роли адресата в двухпадежных системах	4
<i>Александр Бердичевский</i> . Метаязык как часть естественного языка.....	5
<i>Алексей Богданов</i> . Сложные слова в русском языке: лексические или синтаксические ограничения?	7
<i>Виталий Волк</i> . К проблеме формального выражения вида в русской глагольной словоформе.....	10
<i>Арсений Выдрин</i> . Существуют ли депиктивы в адыгейском языке?	12
<i>Ольга Горицкая</i> . Конкуренция форм первого и третьего лица при обозначении говорящего в детской речи	14
<i>Эльвира Денисова</i> . К вопросу об экспериментальном построении «шкалы иконичности» (на материале окказиональной деривации газет)	16
<i>Павел Иосад</i> . Грамматикализация начальных чередований в валлийском языке: некоторые наблюдения.....	18
<i>Мария Козлова</i> . Сравнительный анализ значений именных классификаций в дистантных диалектах языка фула.....	20
<i>Дмитрий Коломацкий</i> . Страдательные причастия с неpassивной семантикой в русском языке.....	21
<i>Наталья Константинова</i> . Принципы анализа терминологических дефиниций (на материале терминосистемы финансового менеджмента)	22
<i>Сергей Минор</i> . Locality and resumption in raising-to-object constructions in Archi	24
<i>Светлана Пантелева</i> . Конкуренция собирательных и количественных числительных в некоторых словосочетаниях.....	27
<i>Денис Паперно</i> . Дискурсивные употребления грамматических категорий и их место в теории дискурса.....	29
<i>Константин Соколов</i> . Проблема внутренней флексии и консонантного корня в просодической морфологии (конкатенативность и неконкатенативность в семитских языках)	30
<i>Юлия Соснина</i> . Эмотивность и внутренняя форма языкового знака.....	32
<i>Наталья Стойнова</i> . Обстоятельства разнонаправленного движения в русском языке: корпусное исследование.....	34
<i>Мария Цюрупа</i> . Weak and Strong Determiners in Russian.....	36
Литература	38
Участники МСКЛ	41

Программа МСКЛ

Время	Секция 1 ауд. 950	Секция 2 ауд. 951
10:00 — 11:00	<i>регистрация докладчиков МСКЛ</i>	
	Председатель: Филипп Дудчук	Председатель: Александр Подобряев
11:00 — 11:30	Александр Бердичевский <i>Метаязык как часть естественного языка</i>	Арсений Выдрин <i>Существуют ли депиктивы в адыгейском языке?</i>
11:30 — 12:00	Алексей Богданов <i>Сложные слова в русском языке: лексические или синтаксические ограничения?</i>	Пётр Аркадьев <i>Кодирование семантической роли адресата в двухпадежных системах</i>
12:00 — 12:30	Ольга Горицкая <i>Конкуренция форм первого и третьего лица при обозначении говорящего в детской речи</i>	Юлия Соснина <i>Эмотивность и внутренняя форма языкового знака</i>
12:30 — 13:30	<i>обед</i>	
	Председатель: Алексей Богданов	Председатель: Александр Бердичевский
13:30 — 14:00	Константин Соколов <i>Проблема внутренней флексии и консонантного корня в просодической морфологии (конкатенативность и неконкатенативность в семитских языках)</i>	Эльвира Денисова <i>К вопросу об экспериментальном построении «шкалы иконичности» (на материале окказиональной деривации газет)</i>
14:00 — 14:30	Денис Паперно <i>Дискурсивные употребления грамматических категорий и их место в теории дискурса</i>	Виталий Волк <i>К проблеме формального выражения вида в русской глагольной словоформе</i>
14:30 — 15:00	Мария Козлова <i>Сравнительный анализ значений именных классификаций в дистантных диалектах языка фула</i>	Наталья Константинова <i>Принципы анализа терминологических дефиниций (на материале терминосистемы финансового менеджмента)</i>
15:00 — 15:15	<i>кофе</i>	
	Председатель: Александр Подобряев	Председатель: Филипп Дудчук
15:15 — 15:45	Светлана Пантелеева <i>Конкуренция собирательных и количественных числительных в некоторых словосочетаниях</i>	Дмитрий Коломацкий <i>Страдательные причастия с пассивной семантикой в русском языке</i>
15:45 — 16:15	Сергей Минор <i>Локальность и резюмция при подъеме аргумента в арчинском языке</i>	Наталья Стойнова <i>Обстоятельства разнонаправленного движения в русском языке: корпусное исследование</i>
16:15 — 16:45	Павел Иосад <i>Грамматикализация начальных чередований в валлийском языке: некоторые наблюдения</i>	Мария Цюрупа <i>Сильные и слабые детерминаторы в русском языке</i>

Практическая информация

Конференция будет проходить на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (Первый корпус Гуманитарных факультетов МГУ). При входе в здание достаточно предъявить паспорт и сообщить, куда вы направляетесь. По предварительной информации, работа секции будет происходить в ауд. 950 и ауд. 951 этого корпуса. Кафедра теоретической и прикладной лингвистики, организующая конференцию, находится в ауд. 953. В день конференции в ауд. 953 будет расквартирован Оргкомитет МСКЛ, там же будет располагаться пункт регистрации участников конференции. В течение перерыва на кофе в ауд. 953 вы сможете расслабиться в окружении коллег и группы буфетного обеспечения.

Вебсайт МСКЛ: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/mscl>.

E-mail: mscl.organizers@mail.ru.

Почтовый адрес:

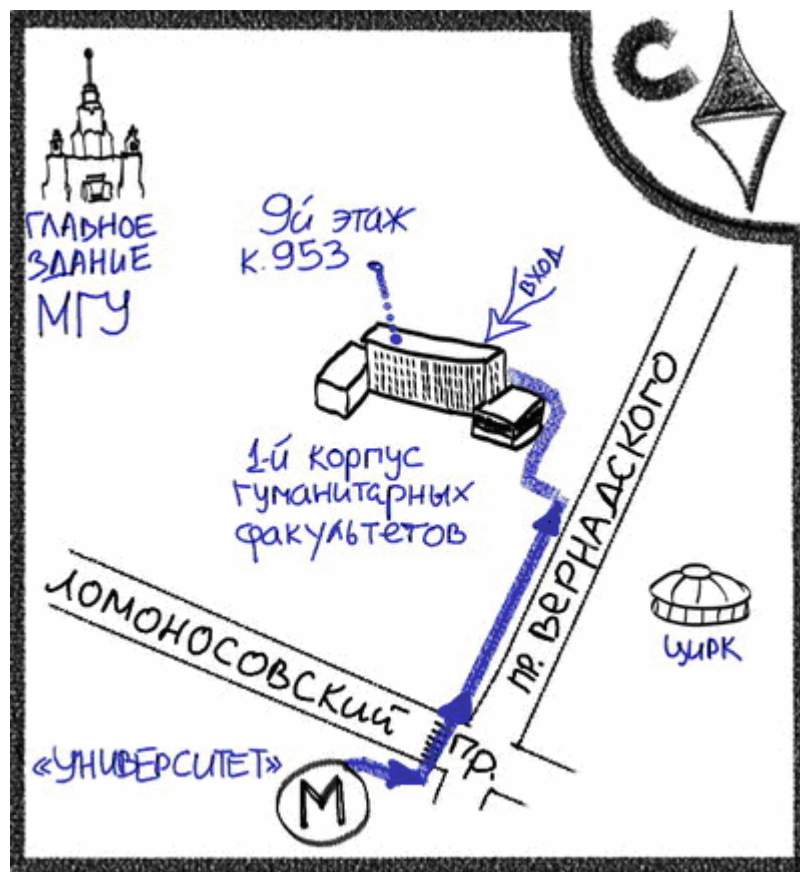
119992 ГСП-2 Москва, Ленинские горы
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
1-й корпус гуманитарных факультетов
Филологический факультет
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

Телефон: (495) 939-26-01.

Как добраться до места проведения конференции?

- С Ленинградского, Казанского и Ярославского вокзала: от станции метро «Комсомольская» (радиальная) следовать до станции «Университет».
- С Киевского и Белорусского вокзала: от станции метро «Киевская» или «Белорусская» — соответственно — следовать до станции «Университет».
- С Павелецкого вокзала: от станции метро «Павелецкая» следовать до станции «Университет».
- С Рижского вокзала: от станции метро «Рижская» следовать до станции «Университет».
- Из аэропорта «Домодедово»: от аэровокзала регулярно ходят маршрутки до станции метро «Домодедовская». Оттуда следуйте до станции «Университет». Также из аэропорта регулярно ходят экспрессы до Павелецкого вокзала. В этом случае следуйте от станции метро «Павелецкая» до станции «Университет».
- Из аэропорта «Шереметьево»: авт. 851 или маршрутка до станции метро «Речной вокзал». Оттуда следуйте до станции «Университет».
- Из аэропорта «Внуково»: на маршрутке до станции метро «Юго-Западная». Оттуда следуйте до станции «Университет».

От метро «Университет» до места проведения конференции — 10 минут пешком. Сориентироваться Вам поможет карта местности:

Схему Московского метрополитена можно найти в интернете по адресу:

<http://www.usabilist.de/seeking/ru/images/MoscowMetroMap.gif>

Тезисы докладов

Пётр Аркадьев

Кодирование семантической роли адресата в двухпадежных системах

Двухпадежные системы весьма широко представлены в языках мира и являются собою чрезвычайно ценный и интересный объект типологического анализа, в частности, с точки зрения представленных в них моделей морфологического оформления семантических ролей, возможностей их раздельного или совмещённого кодирования.

Помимо стратегий оформления «ядерных» ролей Агенса и Пациенса (аккузативной, эргативной и проч., см. Кибрик 2003) большое значение имеет и характер кодирования роли Адресата/Реципиента, в частности, соотношение оформления этого участника с кодированием других семантических ролей. В типологии (см., например, Dryer 1986, Croft 1991, Haspelmath 2006) принято выделять два основных типа оформления роли Адресата — индирективный и секундативный. При индирективной стратегии аргумент-Пациенс битранзитивного глагола кодируется так же, как Пациенс переходного глагола, а Адресат оформляется другим падежом, например, специализированным дативом, или конструкцией со служебным словом. При секундативной стратегии, напротив, Адресат трёхместного предиката кодируется так же, как Пациенс двухместного, а «косвенным» падежом оформляется Пациенс. Материал языков с двухпадежными системами, к которым основная функциональная «нагрузка» по выражению и противопоставлению значительного числа семантико-синтаксических функций именных групп лежит всего на двух грамммах — прямом и косвенном падежах, — позволяет уточнить и существенно расширить эту классификацию.

В ряде языков (например, папуасский язык йимас) роль Адресата объединяется с «ядерными» ролями в одну группу, кодируемую при помощи морфологически немаркированного прямого падежа, что определённым образом связано с тем, что участник с ролью Адресата, как и «ядерные» роли, в отличие от оформляемых косвенным падежом различных обстоятельственных именных групп, требует местоименного аффикса в глаголе. Этому случаю противопоставляется другой, представленный, например, в румынском языке и в ряде салишских языков, когда все «ядерные» роли опять же кодируются одинаково, а Адресат выражается при помощи косвенного падежа. Кроме того, вопреки времени от времени появляющимся в литературе утверждениями (ср. Blake 2001, Hawkins 2004), существуют двухпадежные системы, в которых один из падежей даже специализирован в качестве показателя функции Адресата (скандинавские диалекты, австралийский язык маунт). Собственно секундативная стратегия оформления битранзитивных конструкций в языках с двухпадежными системами сравнительно редка (ср. салишский язык халкомелем).

В небольшом числе языков с двухпадежными системами, например, в амхарском, ваханском, берберских, семантическая роль Адресата/Реципиента вообще исключена из числа именных функций, выражаемых при помощи одного из двух имеющихся в системе падежей, и объединяется с «перифе-

рийными» (обстоятельными) семантическими ролями, оформляемыми различными предложениями или послелогами.

Более часто представлена в языках с двухпадежными системами ситуация, когда роль Адресата кодируется так же, как одна из «ядерных» функций. Интересно, что встречается синкретизм роли Адресата как с Пациентом (старофранцузский, юто-ацтекские, нилотские языки), так и с Агентом (адыгские языки, некоторые конструкции в ряде иранских языков). Важно отметить, что во всех подобных случаях участники, выраженные одинаково маркированными именными группами, обладают сходными референциальными свойствами, располагаясь близко на шкалах определённости / одушевлённости. Существование подобных конструкций свидетельствует против распространённого мнения, что основная функция падежного маркирования — различать аргументы. Напротив, возможность единообразного оформления различных семантических функций может быть объяснена скорее историческими причинами, а именно, путями грамматикализации различных падежных значений, равно как и особенностями возникновения тех или иных падежных систем.

Так, например, в целом ряде иранских языков косвенный падеж в различных конструкциях способен выражать роли Агенса (при прошедшем времени глагола), Пациенса (одушевлённого и/или референтного) и Адресата/Реципиента (ср. Bossong 1985). Такая, казалось бы, типологически беспрецедентная модель полисемии грамматического показателя объясняется следующим образом. Во-первых, существует документированное на материале различных языков (ср., например, Lehmann 1995) направление развития семантики падежных показателей, объединяющее роли Адресата и Пациенса (очевидным семантическим «мостом» в данном случае является признак высокой индивидуализации «прототипических» представителей этих семантических функций). Во-вторых, как известно (ср., например, Пирейко 1968), косвенно-объектное оформление Агенса в системе прошедшего времени в индоиранских языках восходит к конструкциям, в которых центральный участник ситуации обозначался древним дативом, что также было семантически мотивировано.

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что учёт характера оформления роли Адресата/Реципиента может пролить свет на модели кодирования «ядерных» семантико-синтаксических функций. Данные же двухпадежных систем представляют особый интерес, поскольку этот «минимальный» случай даёт представление о допустимых типах нейтрализации разных семантических функций.

Александр Бердичевский

Метаязык как часть естественного языка

Уникальная способность человеческого языка функционировать в качестве собственного метаязыка в течение долгого времени является объектом внимания логиков и философов (упомянем Г. Фреге и Р. Карнапа среди многих других), а в последнее время также и лингвистов (Ж. Рей-Дебов, Ж. Отье-Ревюз, Ф. де Брабанте, А. Вежбицкой и других). Тем не менее, даже самые простые проявления этого фундаментального семиотического свойства, например, **автонимия** — использование слов в качестве имен самих себя — до сих пор представляют значительную сложность для описания и допускают множество разных интерпретаций. В настоящей работе рассматриваются в

основном проблемы определения морфосинтаксического и лексического статуса автонимов, а также анализируется их функционирование в качестве метатекстовых элементов текста.

Как правило, автонимы имеют свойства существительных, ср.:

- (1) «Бегать» — было глаголом бандитов с большой дороги и всех героев. (А. Нотомб, Метафизика труб).
- (2) Если, конечно, можно назвать «разговорчивым» человека, который пропускает мимо ушей десяток твоих «почему?»... (М. Зайцев, Жесткий контакт).

Для адекватного анализа таких предложений крайне важно различать **означаемые** автонимичных знаков *бегать* и *почему*, являющиеся соответственно глаголом *бегать* и наречием *почему*, и их **означающие**, являющиеся **именами** этих лексем. Сами означающие функционируют как существительные: занимают стандартные для существительных синтаксические позиции, имеют признаки числа, рода и падежа. В вышеприведенных примерах это видно только из согласования, однако ср.:

- (3) Обнаружена небольшая неточность. В Череповце нет буквы «ю». (Интернет-форум).

Слово *Череповце* выступает как имя лексемы *Череповец*, при этом имея собственные грамматические признаки. Отметим, что это такое употребление встречается значительно реже, чем «в слове *Череповец* нет буквы «ю». Кстати, *к* здесь тоже, разумеется, употреблено автонимно.

Неразличение означающего и означаемого автонимичного знака приводит к утверждениям типа:

- (4) Союз может быть подлежащим предложения. Например: *И* — это союз.

На наш взгляд, более адекватным является анализ, при котором подлежащим является не союз *и*, а его имя — функционирующее как существительное.

Однако далеко не всегда автонимы являются существительными, ср. (5), (6):

- (5) Barry gives a what-can-you-do-with-this-guy shrug and walks out. (N. Hornby, High Fidelity, цит. по De Brabanter 2004).

Здесь конструкция *what-can-you-do-with-this-guy* употреблена в качестве прилагательного (подобные конструкции довольно распространены в английском языке). Можно спорить о том, является ли она, вообще говоря, автонимом. Де Брабанте замечает что информация, сообщаемая таким прилагательным об определяемом существительном (*shrug*), сводится примерно к следующему: «пожатие плечами здесь означает то же самое, что произнесение последовательности слов, которую называет прилагательное, а именно: *ну что с ним поделаешь*». Таким образом, для того, чтобы дать прилагательному адекватное толкование, мы должны предположить, что оно является **именем** некоторого предложения, т. е., употреблено автонимно.

- (6) Басков сказал, что он не собирается судиться с Большим театром, потому что «это не имеет смысла». (Сайт «Новости культуры», <http://www.newsru.com>).

Элемент *это не имеет смысла* представляет здесь еще большую сложность для анализа: с одной стороны, это цитата, и потому автоним, с другой — просто часть предложения, имеющая стандартное значение. Он существует одно-

временно на двух уровнях: текста и метатекста, и должен получать двойную интерпретацию.

Интересно проследить, какие средства выражения используются в письменной (и устной) речи для выражения автонимии. Очевидно, что чаще всего носитель не осознает собственного обращения на метауровень, однако тем не менее автонимы нередко получают специальное маркирование.

В письменной речи грамотный носитель использует курсив или кавычки (хотя определенные типы автонимов часто остаются без маркировки). Однако оба эти средства омонимичны: курсив часто используется также для выделения особо важных частей текста или для введения новых понятий (в настоящей работе для этих целей используется полужирный — специально ради избежания омонимии). Кавычки еще более омонимичны, среди их основных значений можно выделить: 1) автонимное использование 2) прямая речь 3) цитирование 4) ирония 5) переносный смысл. На наш взгляд, это не омонимия, а полисемия, так как все пять случаев имеют нечто общее, а именно: обращение на метауровень, что мы и стараемся показать в нашей работе.

В устной речи курсив и кавычки могут иногда заменяться интонацией. Отметим, что автонимия может получать и грамматическое выражение, ср:

(7) *Idiot* is a noun.

(8) He was, if you will excuse the expression, an idiot.

Несомненный автоним *idiot* в (7) не получает никакого артикля, а элемент двойного статуса *idiot* (с одной стороны, у нас есть прямое метатекстовое указание *if you will excuse the expression* на его автонимный статус, с другой, очевидно, что означаемым он имеет не слово, а свойство *быть идиотом*) в (8) маркируется законным неопределенным артиклем.

В работе рассматриваются эти и другие способы маркировки автонимного статуса, а также анализируется вопрос о том, являются ли автонимы единицами словаря языка.

Алексей Богданов

Сложные слова в русском языке: лексические или синтаксические ограничения?

1. Определение. Будем называть слово сложным, если оно содержит более одного корня и если все его корни не являются связанными.

(1а) — сложные слова; (1б) — слова, не являющиеся сложными.

- (1) а. *мочевыводящий, взрывоопасный, противопригарный, сливо-наливной*
б. *огнеупорный, губчатобразный, высокообогащенный, крепкосолёный*

2. Сужение области рассмотрения. Рассмотрим сложные слова, в которых имеется глагольный корень. Выделим такие типы.

- (2) а. N-Part: A *мочевыводящий*
б. N₁-N₂(из V): N (N₁ — прямое дополнение) *потовыделение*
в. N₁-N₂(из V): N (N₁ — подлежащее) *снегопад*

3. Подходы к описанию сложных слов

3.1 Лексический подход (Baker 1988: 102)

Сложение корней происходит в лексиконе. Получившийся сложный «корень» также является частью лексикона. Ограничения на сочетание корней выглядят так: сочетаться могут такие-то корни с такими-то в таком-то порядке (все множества корней задаются списком).

3.2 Синтаксический подход (Baker 1988: 97)

Сложение корней — инкорпорация — происходит на синтаксическом уровне. Инкорпорация является синтаксическим процессом, а именно передвижением инкорпорированного элемента из своей позиции в позицию своей вершины (head-to-head movement в терминах X'-теории).

Одно из ограничений, следующее из синтаксического подхода и доказанное Бэйкером на языках с развитой (регулярной) инкорпорацией:

- (3) *Внешний аргумент не может быть инкорпорирован в глагол.*

Внешним аргументом называется аргумент, не входящий в VP (подлежащее многоместных глаголов или единственный актанта неэргативных (Perlmutter 1978) глаголов).

4. Материал русского языка: некоторые свойства сложных слов

4.1 Невозможность инкорпорации внешнего аргумента

Переходные глаголы. Невозможно «инкорпорировать» подлежащее.

- (4) а. *отцеубийство (убить отца)*
б. *В их семье дошло до отцеубийства.*
‘В их семье кто-то убил своего отца’
- (5) а. **отцеубийство (отец убил)*
б. **В их семье дошло до отцеубийства.*
‘В их семье отец убил кого-то’

Одноместные глаголы, неаккузативы. Единственный актанта может быть инкорпорирован.

- (6) а. *пылеобразование*
б. *снегопад*
- (7) Тесты на неаккузативность (Harves 2002) для *образоваться*
а. *Пыли под шкафом не образовалось.*
б. *Под каждым шкафом образовалось по несколько комков пыли.*
- (8) Тесты на неаккузативность для *падать*
а. *Снега в этом году еще не падало.*
б. *В каждую минуту падало по тысяче тонн снега.*

Одноместные глаголы, неэргативы. Единственный актанта не может быть инкорпорирован.

- (9) а. **человекопрыганье*
б. **собаколаяние*
- (10) Тесты на неаккузативность для *прыгать*
а. **Человека в комнате не прыгало.*
б. **В каждой комнате прыгало по человеку.*

(11) Тесты на неаккузативность для *лаять*

- а. *Собаки во дворе не лаяло.
- б. ?В каждом дворе лаяло по собаке.

4.2 Невозможность инкорпорации для некоторых форм глагола

Сложными словами могут быть отглагольные имена и причастия, но не могут быть остальные формы глагола.

(12) а. <i>мочевыведение</i>	(13) а. <i>деревообработка</i>
б. <i>мочевыводящий препарат</i>	б. <i>деревообрабатывающий завод</i>
в. * <i>Я мочевывожу.</i>	в. * <i>Завод деревообрабатывает.</i>
г. * <i>Я перестал мочевыводить.</i>	г. * <i>Завод перестал деревообрабатывать.</i>
д. * <i>Мочевыводя, я читаю газету.</i>	д. * <i>Деревообрабатывая, рабочий поёт.</i>

4.3 Причастия настоящего / прошедшего времени

Сложными словами могут быть причастия настоящего времени, но не могут быть причастия прошедшего времени.

(14) а. <i>деревообрабатывающий комбинат</i>
б. * <i>деревообрабатывавший комбинат</i>
(15) а. <i>ускоряющий механизм</i>
б. * <i>ускорявавший механизм</i>

4.4 Агентивные / инструментальные дополнения

Сложные отглагольные имена могут принимать инструментальные дополнения, но не могут принимать агентивные.

(16) а. <i>В данном случае словообразование конверсией идет неудачно.</i>
б. * <i>Словообразование членами конференции идет неудачно.</i>
в. <i>Формирование правительства думой идет неудачно.</i>
(17) а. <i>Он говорил о курсообразовании снижением цен.</i>
б. * <i>Он говорил о курсообразовании властями.</i>
в. <i>Он говорил об образовании этим правительством нового курса.</i>

5. Описание перечисленных свойств с помощью разных подходов

5.1 Лексический подход

В рамках лексического подхода невозможно описать ни одного из перечисленных ограничений.

- Чтобы описать ограничение 4.1, необходимо различать не только комбинации разных корней, но и комбинации одних и тех же корней с разными тематическими отношениями ((4a) vs. (5a)).

- Ограничения 4.2 — 4.4 не могут быть описаны в рамках лексического подхода, так как являются морфологическими.

Лексический подход объясняет тот факт, что словосложение в русском языке нерегулярно: не любые два корня могут образовывать сложное слово.

5.2 Синтаксический подход

В рамках синтаксического подхода объясняются ограничения 4.1 и 4.4.

- Ограничение 4.1 описывается так: во всех случаях словосложения с участием глагольного корня в русском языке имеет место инкорпорация (синтаксический процесс), а в нем, как доказано Бэйкером, внешний аргумент не может быть инкорпорирован.

• Ограничение 4.4 описывается так: глагольный корень инкорпорируется в сложное слово с некоторым количеством доминирующим над ним функциональной структуры (VP, VP, TP, ...), которое зависит от того, сколько и каких глагольных свойств (возможность присоединять наречия, дополнения разных типов и т.д.) остается у данного корня в составе сложного слова (ср. van Hout & Roeper 1998 для английского языка). Из (16б) и (17б) видно, что в итоговой синтаксической структуре сложного слова над глаголом нет VP, которая в исходной структуре доминирует над подлежащим.

□ В рамках синтаксического подхода не объясняются ограничения 4.2 и 4.3. Синтаксический подход не объясняет того факта, что словосложение в русском языке нерегулярно.

Виталий Волк

К проблеме формального выражения вида в русской глагольной словоформе

В числе множества проблем русской аспектологии открытой является и проблема исчерпывающего описания формального выражения видовых граммем. Как справедливо отмечается в одной из недавних работ на эту тему, «в русской аспектологии нет четкой картины средств выражения вида во всех случаях» (Перцов 2001: 136). Традиционно считается, что к выражению вида имеют отношение почти все глагольные приставки и циркумфиксы (список приводится, например, в известной монографии Зализняк & Шмелёв 2000), а также два глагольных суффикса: *-ыва-* (с морфонологическими вариантами) и *-ту-*. Любопытно, однако, что при попытке явно эксплицировать правила соответствия между морфемами и видом глагола возникает противоречие между наблюдаемым материалом и некоторыми базовыми принципами морфологической теории, и, в первую очередь, принципами аддитивной модели морфологии.

Действительно, согласно аддитивной модели морфологии, верны три следующих утверждения:

- (0) всякая морфема имеет означаемое.
- (1) если две словоформы отличаются некоторой грамматической категорией и наличием/отсутствием некоторой (только одной) морфемы, эту грамматическую категорию следует считать выраженной в означаемом этой морфемы.
- (2) если морфема выражает некоторое значение в некоторой словоформе и сохраняется в производной от неё словоформе, то и в производной словоформе она выражает то же значение.

Обратимся к фактам. Согласно критерию (1), грамматическая категория вида выражается в означаемом большинства глагольных приставок, а также двух суффиксов: *-ыва-* (с морфонологическими вариантами) и *-ту-*. В большинстве описаний, исходя из этого, утверждается, что в словоформах типа *проговорить* (в таких контекстах, как *актёры должны быстро проговорить текст*) граммеме СВ выражает приставка *про-*. Но в таком случае проблему представляют словоформы типа *проговаривать* (ср. *актёры должны быстро проговаривать текст*) в которых префиксальная морфема остается, а граммема СВ исчезает, а это, как кажется, противоречит утверждению (2). Кроме того, не был ли СВ единственным значением приставки *и*, если так, не нарушилось ли утверждение (0)?

В части теорий вида на последний вопрос даётся отрицательный ответ: существует известная «гипотеза Вея-Схоневельда» (ср., например, Кронгауз 1998: 79-84), которая утверждает, что значением глагольной приставки всегда является не только граммема вида. Таким образом, утверждение (0) может быть спасено, хотя утверждение (2) всё равно нарушается.

Но есть случаи, когда и утверждения (0) традиционные описания не спасают. Дело в том, что, в отличие от приставок, суффикс *-ыва-* во всех описаниях считается чисто видовым и никакого иного значения, кроме значения грамлемы НСВ, не выражает. Но как тогда следует описывать содержащие этот суффикс словоформы СВ типа *нарассказывать* (ср. *нарассказывал необылицу*)? Получается, что в этой словоформе суффикс *-ыва-* не имеет означаемого.

При попытке систематизировать и объяснить это парадоксальное явление обнаружилось, что словоформы СВ с суффиксом *-ыва-* возникают только при присоединении к глаголу приставок и циркумфиксов из некоторого ограниченного списка; такие приставки и циркумфиксы мы предлагаем называть «сильными» (т.к. они влияют на вид сильнее, чем имперфективирующий суффикс). Это следующие морфемы: *на-* (*насобирать грибов*), *про-* (*прособирать грибы весь день*), *на- -ся* (*успело ещё навystупиться*), *по-* (*понабирали тут лентяев в МГУ*), *до- -ся* (*ну всё, довыступались*) и *по- -ся* (*все гости поразъезжались*). Замечательным образом, семантика всех этих приставок такова, что обязательно требует выражения в составе присоединяемого глагола смысла 'недостижимость предела' или 'итеративность / дистрибутивность', которые подавляющим большинством исследователей относятся к области значений несовершенного вида. С другой стороны, в значении глаголов типа *долечивать* (в отличие от глаголов типа *лечить*), имеется указание на результат (Перцов 2001: 137).

Таким образом, принципы аддитивной модели удаётся сохранить, но для этого следует принять достаточно нетривиальное описание грамматического устройства русских глагольных словоформ. Во-первых, следует признать, что ни суффикс *-ыва-*, ни приставки сами по себе не выражают граммеу НСВ и СВ, соответственно. Во-вторых, следует признать, что вид глагола некоторым специальным образом выводится из набора морфем, входящих в глагольную словоформу, но не выражается прямо ни одной из них. Тогда на основании этого можно утверждать, что, например, при присоединении суффикса *-ыва-* к *проговорить* или сильной приставки к *рассказывать* значения приставки resp. суффикса никуда не «исчезают», а просто становятся менее важными для определения вида глагола, чем значения других присоединяемых морфем. Тем самым, оказывается, что вид глагола можно определить только по всей совокупности его видовых аффиксов и граммеу вида невозможно приписать никакому глагольному аффиксу в отдельности.

Существуют ли депиктивы в адыгейском языке?*

Термин «депиктив» (depictive) или «депиктивный вторичный предикат» (depictive secondary predicate) получил широкую известность после статьи, а затем монографии Э. Шульце-Берндт и Н. Химмельмана (Schultze-Berndt and Himmelmann 2004; Himmelmann and Schultze-Berndt 2005) и является аналогом таких терминов как «предикативное определение» (predicative attribute), «копредикат» (copredicate; copredicative), «предикат(ив)ные» или «присказуемые имена». Основными признаками депиктивов являются: депиктив ориентирован на один из партиципантов; не является аргументом главного предиката или модификатором своего контролера; депиктив не инкорпорируется с главным предикатом и не составляет с ним сложного глагола; депиктив нефинитен и совпадает по времени и наклонению с главным предикатом. Примером депиктива является слово *сырым* в предложении *Сергей съел мясо сырым*. Доклад посвящен рассмотрению депиктивных конструкций в адыгейском языке¹.

Депиктивное значение в адыгейском языке в основном передается с помощью адвербиального суффикса *-ew*. Например:

- (1) šə-re šərx_wə-re adəga-bze-r **čef-ew/*čefə-x-ew** zer-a-va-še
 БРАТ-& СЕСТРА-& АДЫГЕЙСКИЙ-ЯЗЫК-ABS РАДОСТНЫЙ-ADV REC-3PL.A-CAUS-ЗНАТЬ
Брат и сестра учат адыгейский язык весело.
- (2) šə-re šərx_wə-re adəga-bze-r **čefə-x-ew/*čef-ew** zer-a-va-še
 БРАТ-& СЕСТРА-& АДЫГЕЙСКИЙ-ЯЗЫК-ABS РАДОСТНЫЙ-PL-ADV REC-3PL.A-CAUS-ЗНАТЬ
Брат и сестра учат адыгейский язык радостные/веселясь.

Критерием отличия депиктивов от наречий можно считать согласование по множественному числу, которое обязательно при депиктивном значении и невозможно при наречном (1)–(2).

В ходе полевой работы выяснилось, что формы на *-ew* с депиктивным значением также обязательно согласуются со своим контролером в первом и втором лице (3), (4) (третье лицо не имеет морфологически выраженных показателей).

- (3) **sə-çəq_w-ew** biblije-m s-jə-ža-**v**
 1SG-МАЛЕНЬКИЙ-ADV БИБЛИЯ-ERG 1SG-3SG-ЧИТАТЬ-PST
Я читал Библию еще ребенком.
- (4) **te** **wolejbol** **leš-ew** **tə-rə-raze-[x]-ew** **t-je-še**
 1PL ВОЛЕЙБОЛ СИЛЬНЫЙ-ADV 1PL-INS.-ДОВОЛЬНЫЙ-[PL]-ADV 1PL-3SG-ИГРАТЬ
Мы играем в волейбол очень ДОВОЛЬНЫМИ.

Э. Шульце-Берндт и Н. Химмельман (Schultze-Berndt and Himmelmann 2004; Himmelmann and Schultze-Berndt 2005) не включают согласование с контролером по лицу или его отсутствие к числу критериев отнесения или неотнесения той или иной формы к депиктивам.

* Условные обозначения: & — associative particle; A — agent; ABS — absolutive; ADV — adverbial; CAUS — causative; COP — copula; ERG — ergative; INS — instrumental 1; INS. — instrumental 2; INV — inverse; NEG — negation; PART — participle; PL — plural; POT — potential; PST — past; Q — question; REC — reciprocal; REL — relative; SG — singular.

¹ Материал адыгейского языка был собран во время летних лингвистических экспедиций Института лингвистики РГГУ в аул Хакуринохабль Шовгеновского района Республики Адыгея в 2004–2005 гг.

Адыгейский относится к языкам, в которых затруднено разделение лексем на имена и глаголы. «Именные» корни могут выступать как стативные глаголы без каких-либо «предикативных» аффиксов (5a)–(5d).

- (5) а. **а-г** **hač'e**
 3SG-ABS ГОСТЬ
Он — гость. (hač'e — стативный глагол)
- б. **hač'e** **qe-k_we-š't**
 ГОСТЬ INV-ИДТИ-ПОТ
Гость придет. (hač'e — существительное)
- в. **hač'e-г** **агə**
 ГОСТЬ-PART СОР
*Тот, кто гость — это он.
 (hač'e-г — субъектное причастие настоящего времени)*
- д. **hač'a-кe-г** **агə**
 ГОСТЬ-PST-PART СОР
*Тот, кто был гостем — это он.
 (hač'e-кe-г — субъектное причастие прошедшего времени)*

Присутствие личного согласования у той или иной формы в адыгейском является веским основанием отнесения данной формы к классу глаголов. Формы на *-ew* с личным согласованием также могут присоединять временные суффиксы стативных глаголов (6)–(8), что не свойственно депиктивам (по определению депиктивы должны совпадать по времени и наклонению с главным предикатом). Таким образом, формы на *-ew*, ориентированные на один из партиципантов и имеющие согласование по лицу, представляют собой скорее причастные формы от стативных глаголов, чем депиктивы.

- (6) **wə-səmažə-ew** **səd-a hadaке-mwə-z-č'e-k_we-š'tə-г**
 2SG-БОЛЬНОЙ-ADV ЧТО-Q ПОХОРОНЫ-ERG 2SG-REL-INS-ИДТИ-ПОТ-ABS
Если ты болен, зачем ты идешь на похороны?
- (7) **wə-səmažə-к-ew** **səd-a hadaке-m** **wə-z-č'e-k_we-š'tə-г**
 2SG-БОЛЬНОЙ-PST-ADV ЧТО-Q ПОХОРОНЫ-ERG 2SG-REL-INS-ИДТИ-ПОТ-ABS
Если ты переболел, зачем ты идешь на похороны?
- (8) **wə-səmažə-š't-ew** **səd-a hadaке-m** **wə-z-č'e-k_we-š'tə-г**
 2SG-БОЛЬНОЙ-ПОТ-ADV ЧТО-Q ПОХОРОНЫ-ERG 2SG-REL-INS-ИДТИ-ПОТ-ABS
Зная, что ты заболел, зачем ты идешь на похороны?

Для ответа на вопрос «существуют ли депиктивы в адыгейском языке» нужно попробовать опустить у партиципантно ориентированных форм на *-ew* согласование по лицу. В большинстве случаев опустить согласование не удастся. Найдено лишь небольшое количество прилагательных², допускающих данную операцию. Это: *рсапе* «голый», *š_wej* «грязный», *ps'erə* «толстый», *пəbž'əč'* «молодой», *səmaž* «больной». Список, скорее всего, неполный и может изменяться в зависимости от информанта. Единственным прилагательным, допускающим опущение согласования по лицу у всех информантов, является *рсапе* «голый».

Главным тестом различения депиктивов и партиципантно ориентированных наречий является тест на сферу действия отрицания. Депиктивы являются несамостоятельными единицами и должны входить в сферу действия отрицания главного предиката. Прилагательные, допускающие опущение согласования по лицу, не входят в сферу действия отрицания главного предиката (9)–(10) и, следовательно, не могут считаться депиктивами.

² Признаком прилагательного в адыгейском языке является его постпозиция по отношению к существительному в атрибутивной конструкции.

- (9) se šweĵ-ew wəpə-m sə-ķwa-ke-p
 1SG ГРЯЗНЫЙ-ADV ДОМ-ERG 1SG-ИДТИ-PST-NEG
Я не пошел домой грязным.
 (Я остался там, где я был / *Я пошел в другое место)
- (10) se nĵere jež'ape-m səmaž'-ew sə-ķwa-ke-p
 1SG СЕГОДНЯ ШКОЛА-ERG БОЛЬНОЙ-ADV 1SG-ИДТИ-PST-NEG
Я не пошел сегодня в школу больным.
 (Я остался дома / *Я пошел в другое место)

Таким образом, можно сказать, что в адыгейском отсутствуют депиктивы. Партиципрантно ориентированные наречия (партиципрантно ориентированные формы на *-ew*, допускающие опущение личного согласования) представляют собой маргинальное, ограниченное несколькими лексемами явление. Депиктивное значение передается в адыгейском с помощью причастий стивных глаголов.

Ольга Горицкая

Конкуренция форм первого и третьего лица при обозначении говорящего в детской речи

Категория лица ввиду своей абстрактности и специфических средств выражения (шифтеров, по Р.О. Якобсону) относится к тем элементам языковой системы, которые поздно усваиваются детьми. Так, некоторые дети долгое время говорят о себе в 3-ем лице (*Женя играет*), другие рано начинают последовательно употреблять местоимение *я* (*я играю*) (см. Цейтлин 2000: 47–48; Доброва 2001: 252). Тем не менее, в «языковой биографии» личности можно наблюдать периоды, когда в речи конкурируют различные способы обозначения себя как субъекта речи. Цель нашего исследования составило выявление общих закономерностей функционирования личных форм в детской речи. Материалом для анализа послужили дневниковые записи лонгитюдных наблюдений за речью 10 детей в возрасте от двух до трех лет (Гвоздев 1981, От двух до трех 1998).

Собственное имя связано у ребенка с комплексом положительных ассоциаций, оно выражает представление об уникальности собственной личности. А личные местоимения могут употребляться применительно к любому человеку, так как они являются маркерами ролей в коммуникативном акте, ср.: **Не бей меня, ты Олю бьешь**. Поэтому нацеленность высказывания на коммуникативное взаимодействие с другим человеком делает предпочтительным выбор формы 1-ого лица. Так, если в акте общения присутствует высказывание-стимул взрослого, то ребенок реагирует употреблением формы 1-ого лица. Приведем пример: *Я разговариваю с Боренькой по телефону, говорю: «Маленький мой, я тебя очень люблю». Боря отвечает: *Я тоже люблю* 'я тоже люблю'* (Боря М., 2.06.10). Форма 3-его лица является недопустимой и в тех случаях, когда ребенок хочет выразить требование или просьбу, например: **Пцъка хаццэ* 'Яичко хочу'* (Женя Г., 2.0.12).

Но многие детские высказывания используются в ситуациях, когда речь формально ни к кому не обращена, ребенок просто высказывает вслух замечания об объектах реального или воображаемого мира (этот феномен Ж. Пиаже, Л.С. Выготский и др. называли эгоцентрической речью), например: *Маццк баба, папа баба, Лена пцуа, Тёся пцуа, киська пцуа 'Мальчик спит, папа спит, Лена ушла гулять, Тося ушла гулять, кошка ушла гулять'*. (Женя Г., 1.9.17). В таких коммуникативных ситуациях выбор форм 1-ого или 3-его лица наименее по-

следователен: *Стучит палкой по стенке и говорит: *Я гоздик калятию* 'гоздик заколачиваю'* (Аня С., 2.2.3); *Вынесли елку. Кругом иголки. Я говорю: «Сейчас пылесосом уберем». Аня: *А Аня люткам биляет* 'ручками убирает' — и сребает руками иголки со стола* (Аня С., 2.2.5).

Сущность ситуации адресатности в эгоцентрической речи наиболее четко описал С.Л. Рубинштейн: «<...> это речь, в которой слушающий всегда солидарен с говорящим; это речь с собеседником, который всегда слушает и всегда соглашается» (Рубинштейн 1989: 477). Но высказывания, описывающие наблюдаемые факты действительности, могут быть обращены и к другому человеку. В таких случаях ребенок говорит о себе в 1-ом лице, например: *Боря пишет в моем блокноте и говорит: *Мама, я тутъ писаю* 'я тут пишу'. Это первый случай, когда я заметила самостоятельное конструирование глагольной формы в речи Бори* (Боря М., 2.6.9). Форма 1-ого лица выбирается, когда ребенок находится в состоянии аффекта: *Перешагнула с кресла ко мне на колени и сказала: *Как к тебе я пойдюла!** (Аня С., 2.6.10) Форме 3-его лица отдается предпочтение, если необходимо выразить собственную коммуникативную отстраненность, в частности, передать точку зрения другого, например: *Поставила куклу Мальвину рядом с собой за обедом. Говорит: *Малина как Аня кусить* 'Мальвина смотрит, как Аня кушает'* (Аня С., 2.0.15).

Интересные результаты дает анализ употребления местоимений 1-ого лица и имен собственных с глаголами в прошедшем времени. Оказывается, что если глагольная форма имеет семантику перфекта (обозначает действие, результат которого актуален в момент речи), то используется местоимение 1-ого лица: *Играла с водой, говорит: *Пляте мотила я* 'Плять намочила я'* (Аня С., 2.1.20). Если содержание высказывания составляет констатация факта, имевшего место в прошлом, то выбирается имя собственное: *Смотрит картинку: *Аялитька плакаит. Слеськи тикут. Анька утля плякля-плякля* 'утром'* (Аня С., 2.3.15).

Как отмечает Вяч. Вс. Иванов, «с точки зрения естественного языка представление о я вне времени <...> парадоксально, я определяется самим моментом речи» (Иванов 1978: 126). Этот тезис доказывает функционирование высказываний с формами будущего времени. При описании схожих ситуаций ребенок может выбрать форму 1-ого лица или 3-его: *Взяла сумочку, говорит: *Я буду сколу ходить с сумкой. Буду тете давать тетлятьки, а она мне будет сто-то делать... Я не маленькая, да? Я хотю сколу, я сама уйду сколу, мама, ладно?** (Аня С., 2.7.18). *Увидела по телевизору людей, катающихся на лыжах. Говорит: *Анька тозе будет на лязях кататься. Анька будет съколю хадить. Анька будет бая-бая** (Аня С. 2.4.5). В первом случае ребенок проигрывает ситуацию, поэтому она представляется ему вполне реальной. Второй контекст — это пример особого типа детских высказываний, представляющих собой ассоциации на вербальный или предметный стимул, а потому их содержание может не иметь никакого отношения к действительности.

Таким образом, если субъект речи видит себя как коммуникативное лицо, выступающее в конкретной ситуации общения, то выбирается форма 1-ого лица. Если ребенок хочет представить свою личность как объективированную данность, то предпочтение отдается 3-ему лицу. Использование категориальных средств 3-его лица для обозначения адресанта характерно не только для детской речи. Оно имеет место при особых формах коммуникативного поведения говорящего, «когда он представляет объектом мысли себя самого», в результате чего возникает эффект «превращения себя в объект, особенно в расчете на восприятие реальных участников коммуникации — “зрителей”» (Химик 1990: 113–114). Однако специфика психической деятельности ребенка и особое функциональное использование языковых элементов обуславливает то, что в детской речи употребление конкурирующих личных форм является более частотным.

**К вопросу об экспериментальном построении
«шкалы иконичности»
(на материале окказиональной деривации газет)**

Содержание термина «иконичность словообразовательной формы» раскрывается в нашей работе на материале производной лексики русского языка с точки зрения трех взаимосвязанных дефиниций:

Иконичность как содержательный аспект номинативной деятельности индивида. Измерение проблемы иконичности в духе концепции речепорождения В. фон Гумбольдта раскрывает иконическую (мотивационную) природу речемыслительной деятельности индивида. «Врожденная» онтологическая обусловленность семиотической единицы, детерминированная естественным соотношением (изоморфностью) структурной и формальной расчлененности производного знака, реализует функциональный принцип иконической релевантности в рамках любого выбранного обозначения.

Иконичность как степень мотивированности производного знака. Осмысление понятия иконичности как показателя мотивированности (маркированности) языкового знака проявляется прежде всего через особенности стратификации значений в словообразовательной структуре: соотношение отсылочной и формантной частей производного слова с основными элементами его ономастологической и семасиологической структуры приводит к снижению символичности при порождении и восприятии знака.

Иконичность как условие релевантного функционирования содержания деривата в условиях дискурса. Представляя собой характеристику ментально-языкового процесса выбора средств языковой номинации, иконичность детерминирует индексальные признаки производного знака, задающиеся распределением словообразовательной информации не только по поверхности деривата, но и в пространстве дискурса в целом.

Прояснение семиотического потенциала иконичности обусловило обращение к психолингвистическому моделированию ценностных характеристик словообразовательной формы деривата, которое используется в работе как доказательство положения о семиотической «силе» иконичности, ее роли в представлении мотивационных отношений. В этом — интерпретационном — направлении заключаются задачи описания иконичности производных единиц словообразовательной системы, что отражает рассмотрение экспериментального материала в качестве источника обоснования авторской гипотезы.

Исследование проведено на материале окказиональных субстантивов, функционирующих в газетных заголовках (200 единиц). Обращение к данной деривационной подсистеме детерминировано тем, что именно материал окказиональной деривации позволяет доказать, что традиционное рассмотрение иконичности как одной из характеристик мотивированного слова, имеющей преимущественно звуковую природу (исключая графику как сферу письма), существенно упрощает сущность анализируемой категории.

Как следует из результатов проведенного нами экспериментального исследования, включившего этапы получения свободных ассоциаций, субъективных дефиниций и метатекстов, к мотивационным проявлениям иконичности, влияющим на восприятие/ осознание индивидом взаимосвязи означающего и означаемого нового знака, относятся (1) степень деривации и степень членимости / мотивированности; (2) способ словообразования (узуаль-

ный / окказиональный); (3) морфонологическая вариантность; (4) полимотивированность; (5) тип словообразовательной семантики; (6) специфика выражения ономастологической структуры слова; (7) вид мотивации.

С осознанием данных характеристик в свободном ассоциативном эксперименте связано определение степени иконичности производного слова в индивидуальном языковом сознании.

Крайние полюса шкалы иконичности стандартных способов образования дериватов занимают префиксация и аббревиация, между ними в порядке убывания степени иконичности располагаются остальные: префиксация (+) → суффиксация → префиксально-суффиксальный способ → сложение → нулевая суффиксация → аббревиация (-).

Продуктивным способом иконического кодирования в сфере окказиональной деривации является аффиксация. Наиболее иконичные приемы такого кодирования иллюстрируют префиксальные дериваты (*анти-Лолита*), характеризующиеся агглютинативностью морфемной структуры, высокой степенью членности и мотивированности, узальностью способов образования. Меньшая степень иконичности окказиональных знаков, образованных другими способами аффиксации, обусловлена фузионными морфотактическими характеристиками слова, что способствует расширению спектра актуальных пропозициональных ситуаций, осваиваемых индивидом, который к тому же должен преодолеть «коммуникативную» полисемию при выборе того или иного ассоциата. Между тем детерминанта фузии предполагает актуализацию морфонологических процессов в качестве дополнительных средств измерения смысловой информативности словообразовательной формы, что сужает ассоциативный потенциал многозначных аффиксов, например, при суффиксации (ср.: *кровь / кров → кровник*).

Отсутствие формального маркера производности в дериватах, образованных при помощи нулевой суффиксации и аббревиации, позволяет отнести данные способы к типу так называемой «обратимой» иконичности. Однако установление реципиентами в случае нулевой аффиксации исходной мотивации у деривата, а также продуцирование слов, имеющих материально выраженный аффикс (ср.: *подстава — подставка, предательство, подлость, прикрытие(э), провокация(а), подложка* и др.), доказывают деривационную значимость отсутствия форманта, т.е. факт производности слова для носителей языка. Включение же аббревиатурной лексемы в соответствующий уровню идентификации контекст поверхностного/ глубинного яруса внутреннего лексикона обеспечивает гипостазирование семантических компонентов знака посредством категоризации по линии языковых/ экстралингвистических знаний (ср.: *БАБ — Б. А. Березовский, мужчина, муж бабушки, мужской пол, олигарх, бабник* и др.).

Распределение на шкале иконичности слов, образованных специфическими способами и приемами деривации, происходит следующим образом: образование по конкретному образцу → каламбурные «игры» со словом → наложение → контаминация. Использование в процессе номинации словообразовательной модели (*ампутант → мутант*) и устойчивого словосочетания (*ледовое побоище → ледовое побоище*) в качестве деривационных образцов согласует действие мотивационного ассоциирования в направлении закрепления идиосем за средствами производности словообразовательной формы, при ведущей роли суффиксального компонента. Это позволяет отнести два первых способа к одной степени иконичности словообразовательной формы деривата.

Применение графических эффектов выразительности, источником ассоциирования которых выступает одна из мотивирующих основ (*КОСОВОРОН-*

ка), а также полное включение обеих производящих баз в структуру окказионального деривата (*покемонстр*) — существенно повышает степень иконичности способа наложения в отличие от контаминированной формы деривата, мотивированность которого более имплицитна вследствие семиотических особенностей организации слова (*Куранты*).

Таким образом, поскольку свойство изоморфизма производящего / производного знака, производного знака / денотата может иметь различные «степени свободы», имеет смысл говорить о различных уровнях иконичности структуры окказионализмов. Тем самым построение «шкалы иконичности» позволяет отразить степень минимальности / максимальности иконического соответствия словообразовательной формы окказионального слова при восприятии носителем языка как стандартных, так и неузуральных моделей образования данного вида знаков в пространстве ментального лексикона.

Павел Иосад

Грамматикализация начальных чередований в валлийском языке: некоторые наблюдения

1 Постановка проблемы

Начальные консонантные чередования, или мутации, существуют во всех новокельтских языках. Часто они восходят к чередованиям типа сандхи, сохранившимся несмотря на исчезновение фонетического контекста, их вызывавшего (применительно к бриттским языкам см., например, Jackson 1956). Тем не менее неверно, что всякая позиция, для которой реконструируется сандхи, в позднее время является и позицией для мутации; напротив, не во всех случаях, когда мутация происходит, она ожидается с точки зрения исторической фонетики. В настоящем докладе рассматривается один возможный путь объяснить возникновение так называемой «мутации прямого объекта» в валлийском языке.

Сущность проблемы заключается в том, что VSO-клаузах (абсолютно преобладающих в современном валлийском языке) первый сегмент составляющей, идущей на третьем месте (обычно это действительно объект; однако это может быть и субъект, а другие составляющие, например локативные/темпоральные адьюнкты, здесь не встречаются), если это возможно, подвергается т. н. мягкой мутации, восходящей к чередованиям в поствокальной позиции. С точки зрения исторической фонетики это объяснить нельзя: в самом деле, предположение, будто большинство субъектов оканчивались на гласный, не выглядит правдоподобно³. Объяснение этого феномена как «нового винительного падежа» вместо утраченного синтетического было подвергнуто аргументированной критике еще в Morgan 1952. Тем не менее возможность функционально обусловленных изменений в поведении лексических элементов в отношении мутаций в, по всей видимости, установлена достаточно надежно (см., например, Gensler 2002).

2 Возможное решение

Для решения этой проблемы представляется существенным для начала как можно более экономно и единообразно описать контексты, в которых в современном языке происходит мягкая мутация. Оказывается, что очень небольшое число контекстов можно обобщить в терминах (морфо)синтаксиса;

³ Здесь еще следует отметить, что вопрос о порядке слов на протобриттской стадии остается в высшей степени дискуссионным.

тем не менее можно сказать, что достаточно много контекстов образуют своеобразные «кластеры», т. е. категории контекстов, объединенных некоторым (морфо)синтаксическим критерием. Таковы, в частности, мутации, связанные с признаком [fem sg]. В работе Kibre 1997 предлагается понимание этой последней мутации как маркера согласования, однако мы указываем на ряд эмпирических проблем, связанных с таким толкованием. Робертс (2005) предлагает рассматривать «мутацию прямого объекта» как показатель Падежа, приписанного в *»P*, однако эта гипотеза также не выдерживает эмпирической проверки.

Ответ, как нам представляется, нужно искать в диахронии: по всей видимости, описать все контексты на синхронном уровне с помощью единой категории, невозможно. Однако можно представить их как продукт естественного развития нескольких таких «кластеров» контекстов. Развитие это, в свою очередь, может определяться каким-либо единым фактором. Множество контекстов на синхронном уровне в таком случае можно будет объединить под некоторым общим ярлыком, однако существование категории, определяемой этим «ярлыком», будет в таком случае эпифеноменом исторического развития⁴. Такая модель, в частности, позволяет избежать категоричных предсказаний: она не требует приписывания какого-либо формального признака наподобие падежа. Тем самым если данная словоформа обладает каким-либо «ярлыком», присутствие которого может вызывать мутацию, то неверно, что (как в случае падежа) мутация будет обязательна; однако можно сказать, что в этом случае увеличивается ее *вероятность*⁵.

В качестве такого ярлыка для валлийского языка предлагается то, что можно назвать «непрототипичностью»: предположим, что мутация маркирует некий элемент синтаксической структуры (терминальный узел, составляющую), если сам этот элемент или элемент более высокого уровня не является в каком-то смысле «нормальным» для данного языка. Так, вершина составляющей обычно находится в валлийском языке у левого ее края (или у левого края клаузы вообще; ср. ограничение LeftMost в Anderson 2005) — если это не так, обычно происходит мутация. В более сильной формулировке — в принципе при изменении «нормального» порядка слов повышается вероятность мутации неначальных элементов. Ср. Tallerman 1999 и Borsley/Tallerman 1996, где предлагается «гипотеза об XP-триггере»: всякая фразовая категория (а в определенных условиях и терминальная X⁰) вызывает мутацию у первого слова линейно следующей составляющей, если первая связана со второй отношением с-командования.

Подобным образом имена женского рода в валлийском языке являются «непрототипичными» и потому более склонны к мутации, в особенности если это сочетается с другими «непрототипичными» характеристиками, такими как отделенность вершины от левого края соответствующей составляющей.

В средневаллийском языке к мутации склонны аргументы имперфективных клауз (= таких, где при глаголе имеется эксплицитный показатель имперфекта), что имеет даже типологические параллели (ниас Brown 2001, бамилеке). Можно предположить, что такие клаузы также не являются типичными.

⁴ Предлагаемая здесь модель во многом изоморфна той, что развита для фонологии в Blevins 2004.

⁵ Это предположение необходимо строго проверять с помощью статистических методов, однако в настоящей работе по ряду причин результатов такой проверки не приводится; тем не менее сказанное ниже не имеет жесткой привязки к изложенной модели и может быть переформулировано на основе других теоретических предпосылок.

В докладе приводится более полная картина вышеописанных явлений, приводятся конкретные факты, подтверждающие ряд сделанных предположений, а также указаны необходимые оговорки.

Мария Козлова

Сравнительный анализ значений именных классификаций в дистантных диалектах языка фула

Доклад посвящен интересному аспекту языкознания, характерному для африканских языков — именной классификации и её особенностям. Его общая цель — установить степень общности и расхождения в системе именной классификации языка фула.

Язык фула (имеющий, в числе других, названия пель, фуль, фулани, а также самоназвания пулар и фульфульде) — это один из самых известных языков Африки. Он распространён на уникально обширной территории — от восточного побережья Атлантического океана до западных рубежей долины Нила. Согласно стандартной теории (но всё же не единственной), объясняющей этот феномен, такой разброс вызван тем, что носители этого языка — фульбе — изначально были скотоводами-кочевниками, и в результате этого оказались расселёнными по всей Западной Африке между 6 и 17 параллелями северной широты.

Язык фула относится к западно-атлантической семье нигеро-конголезской макросемьи, хотя внешне фульбе заметно отличаются от своих соседей и ближайших языковых родственников — носителей языков серер и волоф.

Хотя в Африке найдётся не один язык, в той или иной степени похожий на фула, для типичного индоевропейца язык фула изобилует экзотичными особенностями; любопытными, например, покажутся противопоставление гласных по краткости-долготе и преглоттализированные взрывные согласные, а также необычные позиционные чередования согласных. Но, разумеется, самой яркой особенностью языка фула является наличие значительного числа морфологически выраженных именных классов.

Категория именного класса, обязательная для всех существительных языка фула, представляет собой способ классификации имён существительных. Типологически эта категория сходна с категорией рода, но, в отличие от рода, число классов в языках с этой категорией намного больше. Фула же стоит среди этих языков на особом месте, так как ни в одном диалекте не отмечено меньше, чем 20 именных классов, а в некоторых их число возрастает до 25.

Существует 20 общефульских классов, отражённых во всех диалектах. Это классы O, ^BE, NDE, NDI, NDU, NGAL, NGOL, MBA (или NGA), NGE, NGO, NGU, KA, KO, KI, ^DAM, ^DUM, ^DI, ^DE, NGEL, KOL и KOY. Эти классы различаются по трём признакам — синтаксическому, морфологическому и семантическому.

Цель работы — выявить систему распределения семантических признаков по именным классам в двух диалектах. Диалекты взяты по географическому признаку. В качестве исходного диалекта выступает знаменитый диалект фута-джаллон (Гвинея). Этот диалект представлен довольно большой группой фульбе на западных рубежах ареала. В качестве источника материала по данному диалекту использовалась работа А.И Коваль «О значении морфоло-

гического показателя класса в фула». Второй диалект выбран из числа восточных диалектов — это диалект джамааре. В качестве источника материала использовались материалы фула-французского словаря Доминика Ноа, который использовал в качестве основного диалекта именно этот восточный диалект.

Дмитрий Коломацкий

Страдательные причастия с неpassивной семантикой в русском языке

В докладе речь пойдёт о таком интереснейшем феномене, как страдательные причастия с неpassивным значением. Существование у постфикса *ся* неpassивного значения не может вызвать удивления, ведь известно, что он даже произошёл от возвратного местоимения. Страдательное же причастие всегда выступало неким «гарантом пассивности»: если предложение с возвратным глаголом можно трактовать по-разному, то причастие всегда обозначало страдательный залог:

- (1) а. *Он помылся за три минуты.*
- б. *Он был вымыт за три минуты.*

Но если подобный глагол употребить в стательном значении, то мы получаем предложения, подобные следующему примеру, взятому из корпуса:

- (2) *Вы не бриты, у вас, простите, пиджак лопнул под мышкой...* [Василий Аксёнов. Пора, мой друг, пора (1963). НКРЯ]

Нет никаких сомнений, что имеется в виду ситуация, при которой человек не брился сам, а не его кто-то не брил. Перед нами рефлексив, и в то же время употреблено страдательное причастие.

Это — самые яркие примеры, и такой интересный эффект можно было бы списать на семантику самих глаголов: исследователям пассива известно, что глаголы ухода за собой — одни из наиболее «последовательных» в своей неpassивности. Поэтому неудивительно, что и причастие сохраняет рефлексивность. Однако же существуют глаголы других семантических классов, которые тоже могут образовывать неpassивные причастия:

- (3) *Возглавить процессы формирования социалистического сознания призвана наша партия, **вооруженная** научными знаниями о прошлом, настоящем, о тенденциях, имеющих реальную перспективу развития.* [Идеология перестройки. «Известия», 88-02-23. Упсальский корпус].
- (4) *Точно так же, как внешне очаровательный, **устремленный** к Роксане Кристиан (А. Монахов) теряет на том, что не столько глуп, сколько робок.* [Герон Ростана на балетной сцене. «Известия», 88-03-31. Упсальский корпус].

В современной русистике чаще всего проводится деление страдательных причастий на акциональные и стательные. В связи с этим примечателен тот факт, что страдательные причастия с потерей пассивной семантики обозначают состояния. Именно поэтому в корпусе имеется только одно предложение с неpassивным причастием на *м*: ведь в основном эти причастия не меняют акциональных характеристик глагола, и предложение не теряет семантики действия (в тех случаях, когда сам глагол обозначает состояние, эффекта неpassивности не возникает). Напротив, причастия на *н* / *т* чаще превраща-

ют глаголы в состоянии, и среди этих причастий случаев неpassивности было 41. Итак, потеря причастием акциональности иногда влечёт за собой также и потерю противопоставления по активности / пассивности.

Не стоит, однако, забывать, что таких примеров было очень немного в сравнении с общим объёмом базы причастий на *n / m* (1814 примеров), а причастий, не потерявших пассивности и в то же время обозначающих состояния, из них более половины. Причастия, потерявшие пассивность, отличала семантика существительного, к которому относится причастие — денотат должен быть способен контролировать ситуацию (каждый глагол налагает определённые требования на контролёра действия, поэтому нельзя утверждать, что, например, денотат должен быть человеком). Если субъект способен контролировать ситуацию, а статальность ослабляет интерпретацию ситуации как действия, тогда и возможен этот интересный эффект.

Наталья Константинова

Принципы анализа терминологических дефиниций (на материале терминосистемы финансового менеджмента)

Наличие четко и корректно сформулированной дефиниции является важнейшим условием полноценного функционирования термина в составе понятийно-терминологической системы. Данное исследование имело целью установить наиболее эффективные принципы валидации терминологических дефиниций на основе требований к определениям, известных из литературы по терминоведению. Эти требования сопоставлялись с точки зрения их реальной применимости и работоспособности при анализе конкретных определений.

Отправной точкой при сопоставительном анализе требований к определениям послужил список таких требований, составленный по данным терминоведческой литературы (С. Д. Шелов, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева, С. В. Гринёв и др.). Вслед за С. Д. Шеловым мы сочли целесообразным подчеркнуть специфику лингвистических требований, выделяемых среди традиционных логических или в дополнение к ним:

- ясность лексических единиц, т. е. необходимость использования при определении терминов, для которых можно найти определение в рамках той же системы, либо единообразно понимаемых слов обиходного языка;
- синтаксическая однозначность, т. е. нежелательность использования неясных конструкций, например, сочетаний сочинительной и подчинительной связи, допускающих неоднозначную интерпретацию;
- языковая системность, т. е. есть однотипность дефиниций у однотипных (прежде всего, соподчиненных) понятий, как в определениях:

Левосторонний риск — риск потери ликвидности или снижения эффективности, обусловленный изменениями в оборотных активах.

Правосторонний риск — риск потери ликвидности или снижения эффективности, обусловленный изменениями в обязательствах.

В качестве материала данного исследования использовалась терминология финансового менеджмента в определениях, собранных из монографий,

учебников, словарей. Принципы работы с определениями и, далее, с требованиями к определениям демонстрируются в докладе на примере терминологического микрополя «риск» (группы понятий, иерархически подчиненных термину «риск»).

Отметим, что для многих терминов, даже при наличии большого количества различающихся определений, невозможно было выбрать ни одного определения, которое бы полностью отражало содержание понятия и соответствовало бы всем формальным требованиям. Ввиду отсутствия готового оптимального определения анализ дефиниций, таким образом, был направлен не столько на выбор лучшей из имеющихся, сколько на их синтез из фрагментов имеющихся дефиниций. При этом необходимо было оценить, какие из требований изначально выделенного списка действительно позволяют отдать предпочтение, если не определению, то отдельной его составляющей, а какие оказываются мало или совсем не задействованными.

Исследование показало, что все требования тесно взаимосвязаны. Это можно продемонстрировать на примере определения термина «риск портфеля»:

Риск портфеля — нелинейная функция, зависящая от ряда параметров, основными из которых могут быть количество активов в портфеле, структура портфеля, рискоспособность его составляющих, динамика доходности составляющих.

Хотя эта дефиниция достаточно полна, она содержит нежелательную перечислительную конструкцию, которая в сочетании с модальностью возможности оставляет нечеткими границы определяемого понятия. Как следствие, невозможно выделить явным образом видовой признак, т.е. нарушаются логические требования. Кроме того, для обозначения родового понятия использован общенаучный термин «функция» с широкой семантикой, что противоречит лингвистическому принципу ясности и, в нарушение одного из логических требований, затемняет родовое понятие. Это, в свою очередь, отрицательным образом сказывается на соразмерности дефиниции. При нарушении требования ясности лексических единиц страдает и краткость — ещё одно логическое требование.

В результате исследования было выявлено, что при валидационном анализе дефиниций применяются как логические, так и лингвистические критерии и они сильно взаимосвязаны между собой. Наиболее активно использовались требования: четкое указание на родовое понятие и видовой признак, принцип ясности лексических единиц, в частности, терминологичность элементов определения, соответствие определения объему и содержанию терминируемого понятия, требование краткости, что сводится к отказу от использования уточнений и пояснительных конструкций, а также требование синтаксической однозначности. Эти требования можно считать наиболее эффективными для осуществления процедуры дефиниционного анализа терминологии, проводимой в целях оптимизации терминологических определений.

Сергей Минор

Locality and resumption in raising-to-object constructions in Archi

Archi is a Daghestanian language most closely related to the Lesginian languages. It is spoken in the Ckarodin region of the Daghestan republic. Its typological characteristics include ergative case marking, pro-drop, relatively free word order and class agreement between the predicate and the absolutive argument.

Raising-to-object (RTO) constructions are constructions where an argument NP semantically belongs to the subordinate clause, but syntactically is an argument in the main clause. Such constructions are well known from European languages (the so called *accusativo cum infinito* constructions, ex. (1) from English). Ex. (2) shows that such constructions are also grammatical in Archi. In this sentence the main clause predicate agrees in class with an NP, which is assigned its semantic role by the predicate of the subordinate *masdar* clause.

First, I show that in RTO constructions the raised NP actually belongs to the main clause⁶. The first piece of evidence comes from word order. As is evident from (3) and (4) an NP can scramble with other NPs in its clause, but an NP (whether absolutive or ergative) from the subordinate clause cannot scramble with elements of the main clause. But as sentence (5) shows “raised” NPs scramble freely with elements of the main clause. Another piece of evidence comes from binding of anaphors. An NP in the main clause cannot bind a reciprocal anaphor in the subordinate clause (6), unless it is an absolutive NP agreeing in class with the main clause predicate (7). This straightly follows if we assume that the reciprocal NP in (7) actually belongs to the main clause.

Next, I show that RTO constructions in Archi obey structural constraints which are usually assumed to be characteristic of syntactic movement⁷.

First of all, only the absolutive NP can raise: subject of an intransitive verb (2), direct object of the transitive verb (5) or the absolutive subject of a transitive verb in the so called “bi-absolutive construction” (8). Raising of an ergative subject of a transitive verb in the ergative construction results in non-grammaticality (9). I propose an explanation for this fact, based on the assumption that the ergative subject in Archi bears inherent/lexical, not structural case (cf. Chomsky 1986, McGinnis 1998), and thus are “inert” with respect to movement operations such as the one posited for RTO constructions. Similar assumptions about ergative subjects have been put forward and defended in Mahajan 1989, Laughren 1989, 1992, Harbert and Toribio 1991, Woolford 1993, 1997, 1999, Nash 1996 among others.

The RTO construction obeys island restrictions (cf. Ross 1967). Thus an absolutive NP cannot raise out of a coordinated NP (10), a relative clause within a complex NP (11) or out of an adjunct clause (12).

Next, RTO obeys strict locality restrictions (cf. Rizzi 1990). First, only an NP closest to the main clause can raise. As ex. (13) show the direct object absolutive NP in the bi-absolutive construction cannot raise over the subject absolutive NP.

⁶ The alternative, i.e. long-distance agreement between the main clause predicate and the absolutive NP in the subordinate clause, is judged as marginally acceptable by some of the speakers. In this talk I shall not be concerned with such constructions.

⁷ I shall speak of this construction in the more traditional terms of movement, but theoretically I do not confine myself to the derivational view on raising.

Next, in complex constructions with two complement clauses an absolutive NP can raise from the lowest clause to the highest clause, but only if there is no intervening absolutive NP in the middle clause (14 a-b).

Another locality restriction forces the raised NP to pass through all the possible “landing sites” on its way to the surface position in the main clause. Thus in complex constructions with two complements an NP can raise from the lowest clause to the highest only if it triggers agreement on the predicate in the middle clause (15). This constitutes evidence that the raised NP must first “land” in the absolutive position in the middle clause before it reaches the position in the highest clause, it cannot “skip” over the middle clause.

An important feature that distinguishes RTO constructions in Archi from its correlates in English is that the base position in the subordinate clause, from which an NP raises is a case position. In English the subject position in the infinitive clause is not a case position, thus an overt NP cannot appear in that position. In Archi, masdar clauses allow overt expression of the absolutive argument (16). Raising from case positions has been reported for a number of languages (cf. Joseph 1976, Perlmutter and Soames 1979, McCloskey & Sells 1988, Deprez 1992, Ura 1996, Moore 1998 among others). I shall argue (following the claims made by some of the cited authors) that in such constructions the base position of the raised NP is not empty, but is occupied by a “resumptive pronominal” (for an overview of resumption phenomena in the domain of A'-movement cf. McCloskey, to appear).

Archi is a pro-drop language and none of its overt pronominals allow for the antecedent to be present in the same clause or even in the dominating clause (17a-b). Thus it is difficult to say whether the base position of the raised NP is empty or occupied by *pro*. Yet there are two pieces of evidence for former view. First, if the raised NP is a 1st or 2nd person pronoun it is possible for both positions to be occupied overtly (18). An second, some speakers allow the base position of a raised NP to be occupied by an overt pronominal in complex constructions with two complement clauses, where the base position of the raised NP is very distant from its final position (19). These facts point to the conclusion that the base position in RTO constructions can be occupied by a resumptive pronominal, and whether it is *pro* or an overt pronominal is governed by independent restrictions on the distribution of pronominals in Archi.

Significantly, the presence of an overt resumptive element does no result in obviation of the island and locality constraints (20a-b).

I conclude that RTO constructions in Archi are instances of syntactic movement. Moreover, they are (or at least can be) instances of copy-raising, with the base position of the raised NP filled by a resumptive element.

(1) *John believes Mary to have won the competitions.*

(2) a. **patimat-li-s sin-]I i ali q@-kul**
 PATIMAT-OBL-DAT KNOW-CONV1 BE.IV ALI(ABS) GO.PERF-MSD
Patimat knows that Ali has come.

b. **patimat-li-s ali sin-]I w-i/*i q@-kul**
 PATIMAT-OBL-DAT ALI(ABS) KNOW-CONV1 II-BE//BE.IV GO.PERF-MSD
Patimat knows that Ali has come.

(3) **aHmad-li-s sin-]i d-i (patimat) ali-mu patimat daayi e=r=Ti-kul**
 AHMED-OBL-DAT KNOW-CONV1 II-BEPATIMAT ALI-ERG PATIMAT HIT II=BECOME-MSD
Ahmed knows that Ali hit Patimat.

(4) ***ali/ali-mu aHmad-li-s (ali/ali-mu) sin-]i i patimat daayi e=r=Ti-kul**
 ALI(NOM)/ALI-ERG AHMED-OBL-DAT KNOW-CONV1 BE.IV PATIMAT HIT II=BECOME-MSD
Ahmed knows that Ali hit Patimat.

- (5) (patimat) aHmad-li-s patimat sin-]i d-i (patimat) ali-mu daayi e=r=Ti-kul
 PATIMAT AHMED-OBL-DAT PATIMAT KNOW-CONV1 II-BE PATIMAT ALI-ERG HIT II=BECOME-MSD
Abmed knows that Ali hit Patimat.
- (6) *patimat-li-s-u xadiZat-li-s-u sin-]i i ali-mu os-mi-n
 PATIMAT-OBL-DAT-& KHADIZHAT-OBL-DAT KNOW-CONV1 BE.IV ALI-ERG-& ONE-OBL-GEN
 os daLi be-ker-]i b-i-kul
 ONE HIT III-BECOME-DUR-CONV1 III-BE-MSD
Patimat and Khadizhat know that Ali hit each other.
- (7) patimat-li-s-u xadiZat-li-s-u os-mi-n os sin-]i
 PATIMAT-OBL-DAT-& KHADIZHAT-OBL-DAT-& ONE-OBL-GEN ONE KNOW-CONV1
 bi ali-mu daayi be-ke-r-]i b-i-kul
 III-BE ALI-ERG HIT III-BECOME-DUR-CONV1 III-BE-MSD
Patimat knows that Ali hit Khadizhat, and Khadizhat knows that Ali hit Patimat.
- (8) a. li-s sin-]i i moHamed patimat daayi k@-r-]i w-i-kul
 ALI KNOW-CONV1 BE.IV MOHAMED PATIMAT HIT BECOME.I-DUR-CONV1 I-BE-MSD
Ali knows that Mohamed hit Patimat.
 b. ali-s moHamed sin-]i w-i patimat daayi k@r]I w-i-kul
 ALI MOHAMED KNOW-CONV1 I-BE PATIMAT HIT BECOME.I-DUR-CONV1 I-BE-MSD
Ali knows that Mohamed hit Patimat.
- (9) *aHmad-li-s ali sin-]i w-i//i//d-i patimat daayi e=r=Ti-kul
 AHMED-OBL-DAT ALI KNOW-CONV1 I-BE//BE.IV//I-BE PATIMAT HIT II=BECOME-MSD
- (10) a. patimat-li-s sin-]i i ali-wu moHamed-u ba-q|a-kul
 PATIMAT-OBL-DAT KNOW-CONV1 BE.IV ALI-& MOHAMED-& III-GO-MSD
Patimat knows that Ali and Mohamed have come.
 b. *patimat-li-s sin-]i ali-wu//ali wi moHamed-u (inZ-u//tu-w-u) ba-q|a-kul // q@-kul
- (11) a. ali-s sin-]i i moHamed w-aKu-Tu bo]or q@-kul
 ALI-DAT KNOW-CONV1 BE.IV MOHAMED I-SEE-REL MAN GO.I-MSD
Ali knows that the man who saw Mohameda has come.
 b. *ali-s moHamed sin-]i wi (inZ//tu-w) w-aKu-Tu bo]or q@-kul
- (12) a. ali-s sin-]i i zon u=w=q|a-Ta moHamad-li xadiZat daayi e=r=Ti-kul
 ALI-DAT KNOW-CONV1 BE.IV I=GO-ADV MOHAMED-ERG KHADIZHAT HIT II=BECOME-MSD
Ali knows that when I kept Mohamed hit Khadizhat.
 b. *ali-s zon sin-]i w-i (zon) uwq|a-Ta moHamad-li xadiZat daayi e-r-Ti-kul
- (13) *ali-s patimat sin-]i d-i moHamed daayi k@-r-]i w-i-kul
 ALI PATIMAT KNOW-CONV1 II-BE MOHAMED HIT BECOME.I-DUR-CONV1 I-BE-MSD
Ali knows that Mohamed hit Patimat.
- (14) a. alis sin-]i patimat d-i moHamed-li-s L'an-]i di-kul xadiZat-li daayi de-kes
 ALI-DAT KNOW-CONV1 PATIMAT II-BE MOHAMED-OBL-DAT WANT-CONV1 BE.IV-MSD KHADIZHAT-ERG HIT II-BECOME-INF
Ali knows that Mohamed wants Khadizhat to hit Patimat.
 b. *alis patimat sin-]i d-i moHamed wi-x-]i d-i-kul//w-i-kul xadiZat-li daayi dayi e-r-di-kul
 ALI-DAT PATIMAT KNOW-CONV1 II-BE MOHAMED BELIEVE-CONV1 II-BE-MSD//I-BE-MSD KHADIZHAT-ERG HIT II-BECOME-MSD
Ali knows that Mohamed believes that Khadizhat hit Patimat.
- (15) *alis sin-]i patimat d-i moHamed-li-s L'an-]i i-kul xadiZat-li daayi de-kes
 ALI-DAT KNOW-CONV1 PATIMAT II-BE MOHAMED-OBL-DAT WANT-CONV1 BE.IV-MSD KHADIZHAT-ERG HIT II-BECOME-INF
Ali knows that Mohamed wants Khadizhat to hit Patimat.
- (16) a. patimat-li-s sin-]i i ali q@-kul
 PATIMAT-OBL-DAT KNOW-CONV1 BE.IV ALI GO.PERF-MSD
Patimat knows that Ali has come.

b. aHmad-li-s sin-ji i ali-mu patimat daayi e=r=fi-kul
 AHMED-OBL-DAT KNOW-CONV1 BE.IV ALI-ERG PATIMAT HIT II=BECOME-MSD
Abmed knows that Ali hit Patimat.

(17) *ali-s patimat sin-ji d-i moHamed-li to-r daayi e=r=fi-kul
 ALI-DAT PATIMAT KNOW-CONV1 II-BE MOHAMED-ERG HE-II HIT II=BECOME-MSD

(18) ali-s zon sin-ji w-i patimat-li zon daayi kW-r-ji w-i-kul
 ALI-DAT I KNOW-CONV1 I-BE PATIMAT-ERG I HIT BECOME.I-CONV1 I-BE-MSD
Ali knows that Patimat hit me.

(19) ʔalis patimat, sin-ji d-i xadiZat-li-s L'an-ji d-i-kul moHamed-li to-r, daayi de-kes
Ali knows that KhadiZhat wants that Mohamed hit Patimat.

(20) a. *ali-s zon sin-ji w-i zon w-aKu-tu bo]or q@-kul
Ali knows that man who saw me has come.

b. *patimat-li-s zon sin-ji w-i ali-wu zon-u moHamed daLiker-ji i-kul
Patimat knows that Mohamed hit Ali and me.

Светлана Пантелеева

Конкуренция собирательных и количественных числительных в некоторых словосочетаниях

В русском языке есть собирательные и количественные числительные. Известно, что собирательные используются наряду с количественными, но круг их использования в каких-то случаях единственно верный (как с *pluralia tantum*), а в каких-то строго ограничен (не употребляется с существительными женского рода, названиями животных — кроме детенышей).

Интересно было рассмотреть те случаи, где употребление количественных и собирательных равноправно по правилам русского языка, а именно с сущ. обозначающими лиц мужского пола. Так как в некоторых случаях собирательные вносят сниженный оттенок значения были выбраны те слова, которые не подпадают под это правило: «мальчик» и «пассажир».

Вот некоторые из полученных результатов.

(1) Из полных контекстов корпуса было выяснено, что в сочетании с собирательными числительными большинство (70%) мальчиков являлись близкими родственниками тому, с кем они упоминались.

Статистический результат:

Двое-трое мальчиков — 10, из них родственников — 7, итого 70%

Два-три мальчика — 41, из них родственников — 18, итого 44%

«Собирательные числительные мало употребительны при существительных в косвенных падежах и заменяются косвенными падежами соответствующих количественных числительных» (<http://www.ruscorpora.ru>). Если косвенные падежи не принимать во внимание, тогда процент «мальчиков-родственников» с количественными еще меньше. Напротив, случаи употребления «мальчиков-родственников» с собирательными числительными в косвенных падежах подтверждают эту идею.

(2) Есть предположение, что в семантическом значении «мальчиков-родственников» употреблению собирательных мешает стоящее после

числительного прилагательное, относящееся к мальчику. В связи с этим следующий тезис:

Когда перед «мальчиком» прилагательное, то употребляются количественные, а не собирательные.

В случае с *двое-трое мальчиков* в корпусе перед существительным никогда не встречается прилагательное.

В случае с *два-три мальчика* употреблений с прилагательными (7), из них родственники (4).

Поэтому статистика, приведенная выше, может быть пересмотрена. Можно предположить, что *мальчики* в значении «родственники» сочетаются с количественными числительными тогда, когда при существительном имеется прилагательное. Если из всех контекстов *два/три мальчика* со значением «родственники» вычесть те, где между числительным и существительным имеется прилагательное, то статистические данные приобретают следующий вид:

Два-три мальчика — 41, из них родственников — 14, итого 34%

В выбранном подкорпусе совсем нет форм *двоими/троими* (по сочетанию со всеми существительными), то есть творительный падеж отсутствует. На основании этого можно совсем убрать из *двое/трое* еще 1 вариант с «мальчиками-родственниками» (есть еще 2, но уже учтенных, т. к. они с прилагательными), тогда их процент снижается до 32 (13 из 41) так как сказать с *двоими/троими мальчиками* просто нельзя.

- (3) Семантическое значение близкого родственника настолько сильно «требуется» собирательного числительного, что заставляет даже нарушать правило русского языка о том, что с женским родом собирательные не употребляются.

Результат: на запрос о *двое/трое* + женский род корпус выдал 42 случая употребления, из которых 33 обозначают близких родственников (это почти 80% случаев).

Пример: *Женат, имеет троих дочерей.*

- (4) Относительно сочетания числительных с существительным *пассажир* имеются следующие наблюдения. Для сочетаний собирательных числительных со словом *пассажир* нехарактерны обобщенные контексты, такие как:

Погибли два пассажира обеих машин.

**Двое пассажиров обеих машинах.*

Собирательные употребляются в тех случаях, когда *пассажир* не абстрактная фигура, а имеет тело, которое каким-то образом важно в контексте.

Например, *«Хёндэ-ХГ300» предлагает полноценное трехместное сиденье, на котором с комфортом разместятся трое вполне солидных пассажиров.* Здесь даже прилагательное не препятствует употреблению собирательного числительного.

Результаты:

Двое/трое пассажиров — 16, из них контекстов, где важно представление об их телах, — 7, итого почти 50%.

С количественными числительными таких случаев 4 из 17 (2 неучтены, т. к. нельзя по-другому). Употреблению собирательных «мешает» в одном случае прилагательное, в двух — косвенный падеж.

Итого: 23% (17% — «вынужденные»)

Во всех случаях задавался подкорпус: год 1960-2006, неснятая омонимия, публицистика; текстов всего 25 132, расстояние между словами 5.

Денис Паперно

Дискурсивные употребления грамматических категорий и их место в теории дискурса

Известно, что дискурсивными употреблениями обладают значения всех грамматических категорий русского языка. Можно предложить следующее, на наш взгляд, продуктивное определение дискурсивного употребления:

Граммема *g* в предложении *S* текста *T* употреблена дискурсивно, если при замене её на другую предложение *S* остаётся грамматически правильным, а текст *T* при этом становится менее правильным (“связным”).

Дискурсивные функции⁸ у грамматических категорий бывают самые разные. Так, употребление определённой граммемы может диктоваться иллокутивным типом высказывания⁹:

- (1) *Придите к нам!* (повелительное наклонение)
- (2) *Гарсон!* (именительный падеж)
- (3) *Воды!* (второй родительный падеж)

Одно из средств дискурсивной связности — повторение одной граммемы. Так, Praesens historicum синонимичен прошедшему времени, но свободно чередовать их нельзя:

- (4) *Идёт охотник по лесу* ≈ *Шёл охотник по лесу*, но
- (5) *Охотник идет по лесу. Вдруг проваливается в медвежью берлогу.*

(5) звучит лучше, чем (6):

- (6) *?Охотник идет по лесу. Вдруг провалился в медвежью берлогу.*

В частности, повторение грамматических значений маркирует референциальную связность:

- (7) *Я вижу девочку. У девочки_{зг} в руках шарик. Она_{зг} улыбается.*
(именное число¹⁰)
- (8) *Река раскинулась. Течет_{зг}, зрустит_{зг} лениво. И моет_{зг} берега.*
(лицо и число глагола)
- (9) *Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя, И обливаясь черной кровью, Она_г глядит, глядит, глядит в тебя. И с ненавистью, и с любовью!..* (род)

К поддержанию референции (только уже не предметной, а временной), сводится и повторение видовых и временных грамем:

- (10) *Домчимся. Озарим_{Г-н} кострами Степную даль.*¹¹

⁸ Мы говорим, что грамматическая категория *G* имеет дискурсивные функции, если хотя бы одно значение грамматической категории *G* имеет дискурсивные употребления.

⁹ Ясно, что от иллокутивного типа высказывания зависит его место в структуре дискурса.

¹⁰ В работе Падучева 1967, по-видимому, впервые была описана “местоименная” роль числа.

Наконец, граммемы ряда категорий более или менее прямо соотносятся с дискурсивными статусами референтов (залог, определённая) и событий (вид¹²).

Таким образом, оказывается, что у произвольно взятой грамматической категории почти нет шансов обойтись без дискурсивных функций. Для этого не обязательно иметь чисто дискурсивные значения, маркирующие иллокутивный тип высказывания или дискурсивный статус. Граммемы, так или иначе характеризующие предметы или события, всегда могут использоваться для поддержания референциальной связности.

Свободными от дискурсивных функций оказываются только синтаксические грамматические категории, выбор значений которых жёстко определяется очень узким контекстом. Более того, граммемы таких категорий, по принятому нами определению, и не могут иметь дискурсивных употреблений. Впрочем, такие категории в языках мира редки.

Приведённые факты указывают на свойства, которыми должна обладать полноценная теория дискурса¹³. А именно, дискурсивные ограничения потенциально могут содержать прямую или косвенную отсылку к информации о практически любых грамматических значениях. Реально, в большинстве случаев отсылка может делаться не непосредственно к грамматическим значениям, а к кодируемым ими свойствам разнообразных референтов дискурса — индивидов, событий и временных интервалов.

Константин Соколов

Проблема внутренней флексии и консонантного корня в просодической морфологии (конкатенативность и неконкатенативность в семитских языках)

Введение. Существует два основных подхода к построению (анализу) неконкатенативной морфологии семитского типа: 1) как «порождение» форм путем сочетания консонантного корня (КК) и шаблона (схемы, модели и пр.) (root-and-pattern approach) и 2) описание словоизменения на основе некоторых базовых лексических единиц (word-based approach). В отечественной литературе представлены оба подхода: В. П. Старинин, И. А. Мельчук — т. н. «диффиксальная» трактовка; Белова — «основа — консонантно-вокалический комплекс». Центральным вопросом, определяющим обращение к той или иной модели морфологии, считается трактовка консонантного корня в качестве лексической единицы и морфемы (первый подход), либо в качестве лексикографической абстракции, не обладающей статусом морфемы (второй подход). Данный вопрос породил обширную дискуссию, однако однозначной трактовки до сих пор предложено не было.

В исследованиях последних лет, осуществлявшихся в рамках просодической морфологии (как с привлечением аппарата теории оптимальности, так и

¹¹ Семантическая избыточность многократного выражения времени становится очевидной, если вспомнить, что тот же смысл можно выражать, используя лишь одну финитную форму, а остальные заменить деепричастиями.

¹² О дискурсивной теории вида см. обзорную работу Плунгян 2004.

¹³ Подразумевается, что такая теория должна объяснять, почему одни последовательности предложений естественного языка оказываются более связными, чем другие.

без обращения к ОТ), был установлен ряд фактов, позволяющих значительно уточнить трактовку внутренней флексии/апофонии и статуса КК в семитских языках.

Рассматриваемые явления. Семитская морфология во многих случаях может трактоваться как конкатенативная. Как следствие, описанный выше конфликт подходов (и проблема КК) оказывается ограничен определенной группой фактов и не может быть распространен на морфологию семитских языков в целом.

Представляется целесообразным разделить факты, относящиеся к морфологии имени и глагола, демонстрирующие значительные различия. В рассматриваемом отношении к имени также могут быть отнесены частицы, как субминимальные формы, морфология которых в большой степени определяется просодией. Рассматриваемые факты касаются не только деривации из консонантно-вокалической основы, но и других аспектов.

В области имени:

- Образование ломаного множественного в арабском языке (продуктивный просодический шаблон, копирование аффиксов при образовании множественного множественного, зависимость долготы гласного в мн. ч. от долготы в ед. ч.);
- Образование звательных и уменьшительных в арабском (как и в других языках, основа для образования таких форм — усеченная от другого слова);
- Сложные слова в современном иврите демонстрируют черты конкатенативности;
- Заимствования (в арабском: имена подчинены просодическому шаблону либо заимствуются целиком с адаптацией к арабской фонетике; в совр. иврите: неконкатенативны только глагольные образования от заимствуемых основ, имена конкатенативны (ср. *fa:k:s* — *me:fa:k:ses*);

В области глагола:

- Основы актива и пассива в арабском языке;
- Инфиксация показателя вида в арабском языке;
- Усечение при образовании императива в разговорном иврите;
- Отыменные глаголы в современном иврите;
- Фреквентатив (итератив) в эфиосемитских (связь с редупликацией);
- Корневой вокализм в арабском, иврите, прасемитском;
- Показатель залога в арабском в перфекте (конкатенативная инфиксация);
- Геминация в амхарском (редупликация).

Возможно поднять вопрос о необходимости различения морфологии в сфере имени и глагола. В таком случае «биньян» и «мишкаль» представляют собой результат абстракции результирующих форм, образуемых с помощью **разных** механизмов. Вопрос об апофонии (Курилович), внутренней флексии (Мельчук), классификации аффиксов (Белова 1991) и пр. может быть уточнен с учетом различия морфологии имени и глагола.

Просодическая морфология. В просодической морфологии семитская морфология трактуется двояко. С одной стороны, КК и «прерывистые аффиксы» получили трактовку в рамках автосегментного подхода и в этой форме были адаптированы просодической морфологией. С другой стороны, ограниченная применимость неконкатенативной трактовки семитской морфологии позволила ряду исследователей выдвинуть гипотезу о возможности полноценного описания семитской морфологии в рамках исключительно «word-based» подхода (У. Бат-Эль, А. Уссишкин и пр). Бат-Эль осуществляет анализ семитской морфологии в рамках ОТ с позиций подхода «Item-and-Process», предложив считать аффикс «схемой ограничений», а биньян — «конфигурацией независимых структурных характеристик: просодической структуры, гласного шаблона и в некоторых случаях также префикса». Т.о. она отвергает как «диффиксальную трактовку», так и морфемный статус КК. А. Уссишкин предлагает трактовать шаблон как «эффект» взаимодействия просодических и морфологических ограничений, т.е. как «фиксированную просодию».

В области глагола выявляется основа, от которой образуются формы. Как представляется, от «внутренней флексии» полностью избавиться не удастся. Задача в этом случае состоит в том, чтобы максимально её ограничить. В качестве программы эта задача представляется более осмысленной, чем задача «любой ценой» избавиться от КК. По-видимому, мы в большой степени можем говорить о чертах конкатенативности в морфологии семитских языков и во многом ограничить «специфически семитские» морфологические механизмы, свести их к более общим и более понятным явлениям, в частности, к внутренней флексии/апофонии, инфиксации, продиктованной просодическими ограничениями, редупликации.

Программа исследований. Рассмотренные факты позволяют пересмотреть значимость трактовки консонантного корня и трансфиксации для анализа семитской морфологии. При условии тщательного анализа с целью уточнения сферы «неконкатенативности» в семитских языках, данные «неконкатенативные» явления возможно будет разделить на те, которым может быть дано объяснение с помощью 1) неконкатенативных явлений австронезийского типа (инфиксация и редупликация), 2) конкатенативной морфологии (внутренняя флексия/апофония). При удовлетворительном решении указанных задач будет возможным поставить вопрос о том, существует ли вообще неконкатенативная морфология «семитского типа».

Юлия Соснина

Эмотивность и внутренняя форма языкового знака

Эмоции являются объектом исследования психологии эмоций. Учитывая связь психологических и языковых процессов, можно отметить, что не менее важную роль в изучении эмоций играют лингвистические теории, которые рассматривают эмотивность языкового знака.

Эмоциональный компонент значения слова в структурной лингвистике представляется в качестве факультативного и добавочного по отношению к понятийному (денотативному, дескриптивному) значению. С психолингвистической точки зрения всякое значение признается связанным с аффективным переживанием субъекта.

Человек пытается познать, т. е. отразить окружающую действительность в своем сознании, и делает это с помощью языка. Эмоция, которую он при

этом испытывает, остается заложенной в языковом знаке. При этом эмотивность, которой обладает слово, обязательно должна быть выражена, иначе слово не сможет реализоваться как языковой знак. «В основе восприятия речи лежат процессы, по крайней мере, частично воспроизводящие процессы ее порождения» (Леонтьев, 1997: 70). Можно предположить, что это справедливо и для восприятия слова. Мы провели ряд экспериментальных исследований с целью доказать, что носители языка могут воспринять эмоцию, заложенную во внутренней форме языкового знака и попытаться выяснить некоторые особенности этого восприятия.

Метод субъективного шкалирования, разработанный Чарльзом Осгудом, используется для вычленения и количественной оценки различных элементов, составляющих значение языкового знака, и является наиболее адекватным для исследования его эмотивного компонента.

Метод субъективного шкалирования применялся для исследования эмоциональности слов в работах А.А. Залевской, Е.Ю. Мягковой, Е.Н. Колодкиной (Залевская 1990; Мягкова 1995; Колодкина 1990).

В проведенном нами методом субъективного шкалирования эксперименте принимало участие 69 человек и было получено 11040 реакций. В качестве информантов выступали студенты I–V курсов факультета филологии и журналистики Кемеровского государственного университета. Испытуемым предлагалось по семибалльной шкале определить силу эмоций, которые несут слова-стимулы — восемь неизвестных им диалектных лексем, интроспективно выбранные из «Словаря образных слов и выражений народного говора» под редакцией О. И. Блиновой и определяемые его авторами как языковые метафоры и собственно образные слова (пупышевка, малопулька, чупшкан, кошкoduй, дурупляс, чурбачина, мыркалка, шилохвостка). Предполагается, что поводом для создания этих слов, для осуществления номинации послужила какая-то сильная эмоция. Акт номинации осуществляется субъектом, а «все, что субъективно, не может существовать без оттенка эмоциональности» (Балли 2003: 108). Ни по одному из двадцати параметров не было получено нулевой оценки. Но показатели среднего арифметического значения оказались невелики (в пределах 0,449–4,724 балла). Это представляется следствием того, что проводится исследование самого глубинного уровня языкового знака, соответственно отражающего самый глубинный уровень категоризации (Петренко 1988), функциональными единицами которого являются коннотативные значения. Уровень категоризации является производным от уровня известности слова носителю языка. Так как мы исследуем неизвестные или малоизвестные слова, их восприятие осуществляется на самом простом и глубинном уровне. На этом уровне устанавливаются более широкие, чем на поверхностном (понятийном), но менее конкретные связи, все элементы значения находятся в синкретичном единстве и погружены в эмоциональность, поэтому эмоциональность исследуемых слов как бы размыта, она не состоит из какой-то одной безусловно доминирующей эмоции. На этом уровне слова сохраняется эмоционально-оценочный контекст, когда-то сопровождавший процесс его возникновения. Эмоция, заключенная в слове с момента его создания, воспринималась испытуемым, но интерпретировалась им соответственно его эмоциональному состоянию во время проведения эксперимента.

В концепциях В. Фон Гумбольдта, А.А. Потебни (Потебня 1999) внутренняя форма слова, как ментальная категория языка, — это отношение содержания мысли к сознанию, она показывает, как представляется человеку его собственная мысль; как семиотическая категория, — часть содержания слова, которая является символом, знаком, его заменяющим. Это позволяет предположить, что эмотивность языкового знака фиксируется именно в его внутренней форме.

Для исследования внутренней формы слова мы провели ассоциативный эксперимент. Слова-стимулы использовались те же, что и для субъективного шкалирования, — существительные, построенные по разным словообразовательным моделям, неизвестные (или почти неизвестные) носителям языка, что актуализировало эмотивный аспект их восприятия. В эксперименте принимали участие 60 испытуемых. Всего было получено 558 реакций (ассоциаций и субъективных дефиниций).

Эмоциональная реакция испытуемых на предложенные для семантизации слова обусловила вариативность их мотивированности. Для некоторых из них оказалась актуальной фонетическая мотивированность, когда ассоциации вызывает звуковой облик слова (10,7 % реакций); для других — словообразовательная, когда испытуемый членит слово-стимул на морфемы и пытается определить, как оно было образовано (5,1 %); это могла быть лексическая мотивированность — испытуемые довольно часто обращают внимание на предполагаемый корень слова (5,2 %). Но чаще всего (68 %) испытуемые отнесли слово-стимул к какой-либо категории или опирались на знание морфологических категорий, которыми потенциально может характеризоваться семантизируемое слово.

Такую вариативность мотивированности может обеспечить только эмоция, заключенная во внутренней форме, ассоциативно-смысловом и символическом центре языкового знака, который допускает и возможность выбора направления семантизации, и сближение разнородных элементов формы и значения слов на основе их эмотивной близости.

Наталья Стойнова

Обстоятельства разнонаправленного движения в русском языке: корпусное исследование

Альтернатив (термин предложен в Храковский 1989: 30) — это одно из мультипликативных значений, описывающее серию разнонаправленных движений, наблюдаемых в единый момент времени, ср. (1):

- (1) Ну, коли ты француз, держи себе болонку: ты **бегаешь**, ты **прыгаешь туда-ды-сюды**, и она за тобой, задравши хвост... а нашему-то брату на что она? [И.С. Тургенев. Отрывки из воспоминаний своих и чужих]

Арсенал средств выражения этого — частного и охватывающего весьма незначительную часть глагольной лексики — значения в большей степени относится в языках мира к области лексики, чем к области грамматики. В частности, во многих языках значение альтернатива выражается с помощью комплекса, образованного из двух антонимичных друг другу наречий с направлятельным значением. Ср., например, английское *here and there* (букв. 'сюда и туда'), датское *frem og tilbage* (букв. 'вперед и назад'), удмуртское *солань-малань* (букв. 'в ту сторону — в эту сторону'), немецкое *auf und ab* (букв. 'на и от') и т. д.

Такие комплексы есть и в русском языке: это *туда-сюда*, *взад-вперед*, *туда-обратно*, *вверх-вниз*, *вправо-влево* и некоторые другие. При этом в русском языке для большинства глаголов движения существует также лексическое противопоставление значения направленного движения и альтернативного значения (так называемые глаголы определенного движения и глаголы неопределенного движения, или моторно-кратные, например, *бежать* — *бегать*, *идти* — *ходить*). И, на первый взгляд, вышеперечисленные обстоятельства оказываются

до некоторой степени избыточным средством. Поэтому детальное описание их семантики и условий употребления кажется особенно интересной задачей.

В докладе будут представлены результаты корпусного исследования¹⁴ семантики трех наиболее употребительных «альтернативных» обстоятельств: *туда-сюда*, *взад-вперед* и *туда-обратно*. Для разграничения семантики вышеуказанных обстоятельств предлагается ряд параметров ситуаций движения (например, (а)-(е)) и ряд коррелирующих с ними свойств движущихся объектов (в частности, (f)-(h)) :

- (а) противоположенное (*ходить по коридору*) vs.. хаотичное (*летать с цветка на цветок*) движение;
- (б) движение по прямой (*бегать по палубе*) vs. круговое движение (*крутить ручку*);
- (с) контролируемость;
- (д) целенаправленность каждого из микродвижений;
- (е) равнозначность vs. неравнозначность противопоставленных друг другу микродвижений.
- (f) одушевленность;
- (g) фасадность;
- (h) способность к перемещению только по заданной или по произвольной траектории (*ходить о человеке vs о поршне*).

Указанные обстоятельства проявляют также различие в наборе коннотаций. Так, например, ситуация, характеризуемая обстоятельством *туда-сюда*, часто интерпретируется как бесполезная. В частности, значительную часть выборки примеров из корпуса представляют однотипные риторические вопросы типа:

- (2) *Что ж мы, так и будем мотаться туда-сюда?* [Константин Воробьев. Убиты под Москвой (1963)]

Различна дистрибуция рассматриваемых обстоятельств. Самой ограниченной (только глаголы перемещения по плоскости) оказывается дистрибуция *туда-обратно*, самым «универсальным» является обстоятельство *туда-сюда*. В частности, только оно окказионально сочетается с глаголами непространственной семантики, ср. (3).

- (3) *Пока она **туда-сюда** клокотала над ономастическими задачками, Николай Сергеевич ушел в себя так далеко, что окликающая его жена не получила ответа...* [Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом]

Вкратце будут также рассмотрены неприглагольные употребления «альтернативных» обстоятельств:

- (4) *Еще двадцать, / Еще тридцать, / Ну ещё **туда-сюда**, / А уж сорок, / Ровно сорок, / Это просто ерунда!* [Даниил Хармс. Врун]

В докладе будет проинтерпретирована семантическая связь таких употреблений *туда-сюда* с центральными.

¹⁴ Материалом для исследования послужила выборка примеров из Русского Национального корпуса (<http://www.ruscorpora.ru>)

Weak and Strong Determiners in Russian

As it has been noticed by Milsark (1974, 1977), some English determiners (a, many, some, numerals) are allowed in existential there-sentences (1), whereas others (both, all, most) are not (2). On the basis of this property, Milsark divided the determiners into two groups and proposed to call them weak and strong, respectively.

(1) *There are many unicorns in the garden.*

(2) **There are both unicorns in the garden.*

Since then there has been a lot of discussion on the subject; several semantic tests have been suggested, which divide the determiners in almost the same way as the foregoing syntactic test. Several semantic features have been claimed to be responsible for the distinction.

The main goals of my work were:

- to consider the question, what semantic property sets all the weak determiners apart from the strong determiners and makes them behave differently with respect to there-sentences and different semantic tests,
- of the explanations suggested in literature to find one that provides the most comprehensive analysis of the data,
- to suggest the contexts for Russian susceptible to the same semantic property,
- to use these contexts in order to test several Russian determiners with respect to their weakness, strength, or ambiguity.

Of all the formal definitions suggested in literature the one proposed by Keenan (2002) seems to be the most comprehensive:

A determiner D is conservative on its second argument (cons2) iff
 $A \& B = A' \& B \Rightarrow DAB = DA'B$, all A', B, B belong to a domain E of objects

DPs which occur naturally in There-sentences are the DPs built from cons2 determiners.

To put it differently, (3) illustrates the structure of There-sentences:

(3) *There* [*be*, det+N, Coda]

According to the Coda Condition, as it was suggested by Keenan, the Coda provides the domain of evaluation of There-sentences.

In determining the interpretation (truth) of sentences like (4), we can limit ourselves to consideration of objects in the garden, we need not consider objects not in the garden. The weak determiner "three" satisfies the Coda Condition. The strong determiner *all* in (5) cannot satisfy the Coda Condition. To find out if (5) was true we would have to look outside the garden and see if there are any students there.

(4) *There are three students in the garden.*

(5) **There are all students in the garden.*

This analysis covers all the data and makes correct predictions. Therefore my work with Russian determiners will be based on the analysis suggested by Keenan.

Let us turn to the Russian data.

As a ‘weak’ context (a context where only weak DPs are allowed) I propose the existential construction similar to the English There-sentences: “(v našem mire) suš’estvujet DP”, that can be roughly translated into English as “(In our world) there exist DP”. It is in a sense better than the English context, as it is unambiguously existential, whereas in English there is a misleading locative there-construction, which can be easily confused with the existential one, but has totally different properties. (6) and (7) illustrate the application of the context.

(6) (*V našem mire*) suš’estvujet **mnogo** jedinorogov.
(In our world) there exist **many** unicorns.

(7) *(*V našem m’ir’e*) suš’estvujut **vse** jedinorog’i.
(In our world) there exist **all** unicorns.

I also propose the construction “DP (do six por) suš’estvujet” as a ‘strong’ context for Russian. It allows only for strong DPs. See (8) and (9):

(8) ***Mnogo** derev’ev (do six por) suš’estvujet.
Many trees (still) exist.

(9) **Vse** derev’ja (do six por) suš’estvujut.
All trees (still) exist.

With respect to these tests, Russian determiners can be classified into weak (*mnogo*, *neskol’ko*, numerals) and strong (*mnogie*, *nekotorye*, *oba/obe*, *vse*, *každyj*). As in English, numerals can also be used as strong determiners in special contexts, as also *neskol’ko*. In contrast to English, where *many* is ambiguous, Russian has two different determiners, *mnogo*, which corresponds to the weak *many*, and *mnogie*, which corresponds to the strong one.

The study of Russian data supports Keenan’s analysis and shows the existence of weak/strong distinction in Russian.

Литература

- Балли, Шарль (2003) Язык и жизнь / пер. с фр.; вступ. ст. В. Г. Гака. М.
- Бородовский, А. П. (2002) Исследования некрополя эпохи раннего железа на Нижней Катунь. // В сб.: Археологические открытия 2001 года. М.: Наука.
- Бородовский, А. П. (2004) Исследования на правом берегу Нижней и Средней Катунь. // В сб.: Археологические открытия 2003 года. М.: Наука.
- Вежбицка, Анна (1978) Метатекст в тексте. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8, М.
- Вежбицка, Анна. Описание или цитация // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 13, М.
- Гвоздев, А. Н. (1981) От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов.
- Доброва, Г. Р. (2001) Функция первых падежных форм личных местоимений в начальной детской грамматике // В сб.: Теоретические проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб. С. 250–260.
- Залевская, А. А. (1990) Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова // Психолингвистические проблемы семантики. Тверь. С. 73–83.
- Зализняк, Анна А. и А. Д. Шмелёв (2000) Введение в русскую аспектологию. М.: ЯРК.
- Иванов, Вяч. Вс. (1978) Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.
- Кибрик, А. Е. (2003) Константы и переменные языка. СПб.: «Алетейя».
- Колодкина, Е. Н. (1990) Параметр оценки в психологической структуре значения // Психолингвистические проблемы семантики. Тверь. С. 67–73.
- Кронгауз, М. А. (1998) Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: ШЯРК.
- Леонтьев, А. А. (1983) Формы существования значения // В сб.: Психолингвистические проблемы семантики. М. С. 5–20.
- Леонтьев, А. А. (1997) Основы психолингвистики. М.
- Лурия, А. Р. (1998) Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. Ростов на Дону.
- Мягкова, Е. Ю. (1985) Экспериментальное исследование эмоциональной нагрузки слова // Психолингвистические исследования: лексика, фонетика. Калинин. С. 18–23.
- От двух до трех: Дневниковые записи. СПб., 1998.
- Падучева, Е. В. (1967) Два подхода к семантическому анализу категории числа. // Сборник к семидесятилетию Романа Якобсона. Гаага; Париж, «Mouton».
- Перцов, Н.В. 2001. Инварианты в русском словоизменении. М.: ЯРК.
- Петренко, В. Ф. (1988) Психосемантика сознания. М.
- Пирейко, Л. А. (1968) Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М.: «Наука».
- Плунгин, В. А. (2004) К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В. С. Храковского. М., «Знак».
- Потебня, А. А. (1999) Мысль и язык. М.
- Рубинштейн, С. Л. (1989) Основы общей психологии. Т. 1. М.
- Хелимский, Е. А. (2000) Компаративистика, Уралистика. Лекции и статьи. М.
- Химик, В. В. (1990) Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.
- Храковский, В. С. (1989) Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. // В. С. Храковский (ред.), Типология итеративных конструкций. Л.
- Цейтлин, С. Н. (2000) Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.
- Шмелев, А. Д. (1996) Референциальные механизмы русского языка. Тампере: Ун-т Тампере.
- ЭСТЯ (1980) Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.

- ЭСТЯ (2003) Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». / Под ред. Дыбо. М.
- Якобсон, Р. О. (1972) Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.
- Anderson, Stephen R. (2005) *Aspects of the Theory of Clitics*. Oxford: OUP.
- Authier-Revuz, Jacqueline. (2005) *Le fait autonymique: langage, langue, discours — quelques repères*, Université Paris 3-Sorbonne Nouvelle.
- Baker, Mark C. (1988) *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago: University of Chicago Press.
- Blake, Barry (2001) *Case*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blevins, Juliette. 2004. *Evolutionary Phonology: The Emergence of Sound Patterns*. Cambridge: CUP
- Borsley, Robert D., Tallerman, Maggie. 1996. Phrases and Soft Mutation in Welsh. // *Journal of Celtic Linguistics* 5.
- Bossong, Georg (1985) *Empirische Universalienforschung: Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr.
- Brown, Lea (2001) *A Grammar of Nias Selatan*. PhD thesis, University of Sydney.
- Carnap, Rudolf. (1947) *Meaning and Necessity: a Study in Semantics and Modal Logic*. Chicago, University of Chicago Press.
- Chomsky, Noam (1981) *Lectures on government and binding . The Pisa lectures*. Dordrecht: Foris.
- Chomsky, Noam (1986) *Knowledge of language*. New York: Praeger.
- Croft, William (1991) *Syntactic Categories and Grammatical Relations. The Cognitive Organization of Information*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
- De Brabanter, Philippe. (2004) *Making Sense of Mention, Quotation and Autonymy. A Semantic and Pragmatic Survey of Metalinguistic Discourse* (Thesis, published at <http://jeannicod.ccsd.cnrs.fr>)
- De Brabanter, Philippe. (2005) *Autonymy and its impact on the lexicon*, *WORD*, 56 (2).
- Deprez, Viviane (1992) *Raising Constructions in Haitian Creole*, *NLLT* 10, 191-232.
- Dryer, Matthew (1986) *Primary objects, secondary objects, and antidative* // *Language*, Vol. 62, No. 4, pp. 808–845.
- Gensler, Orin. 2002. *Why should a demonstrative turn into a preposition? The evolution of Welsh predicative yn* // *Language* 78(4).
- Hale, K. & Keyser S. J. (1993) *On Argument Structure and the Lexical Expression of Syntactic Relations*. In *The View from Building 20*. Edited by K. Hale and S. J. Keyser. Cambridge: The MIT Press.
- Harbert, Wayne and Jacqueline Toribio (1991) *Nominative objects*. *Cornell Working Papers in Linguistics* 9: 127-192.
- Harves, S. (2002) *Unaccusative Syntax in Russian*. *General and Slavic Linguistics*, Princeton University: Ph.D. dissertation.
- Haspelmath, Martin (2006) *Argument marking in ditransitive alignment types* // *Linguistic Discovery*, Vol. 3, No. 1, pp. 1–21.
- Hawkins, John (2004) *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford: Oxford University Press.
- Himmelmann, Nikolaus P. and Eva F. Schultze-Berndt (2004) *Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective* // *Linguistic Typology* 8, 59–131.
- Himmelmann, Nikolaus P. and Eva F. Schultze-Berndt (eds) (2005) *Secondary Predication and Adverbial Modification. The Typology of Depictives*.
- van Hout, A. & Roeper T. (1998) *Events and Aspectual Structure in Derivational Morphology in H. Harley MIT Vol. 32 Roundtable on Argument Structure and Aspect*.
- Jackson, Kenneth H. (1956) *Language and History in Early Britain*. Edinburgh: Edinburgh University Press
- Janhunen, Juha (1977) *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki.

- Joseph, Brian D (1976) Raising in Modern Greek: A copying process? *Harvard Studies in Syntax and Semantics*, volume 2, ed. by Jorge Hankamer and Judith L. Aissen, 241-281. Cambridge, Ma.: Harvard University Department of Linguistics.
- Keenan, Edward L. (2003) The Definiteness Effect: Semantics or Pragmatics? *Natural Language Semantics* vol 11. No. 2:187 -216.
- Kibre, N. J. (1997) *A Model of Mutation in Welsh*. Bloomington: IULC.
- Laughren, Mary (1989) The configurationality parameter and Warlpiri. In *Configurationality: the typology of asymmetries*, eds. L. Maracz and P. Muysken, 319-366. Dordrecht: Foris.
- Laughren, Mary (1992) Secondary predication as a diagnostic of underlying structure in Pama- Nyungan languages. In *Thematic structure: its role in grammar*, ed. I. M. Roca, 199-246. Berlin: Foris.
- Lehmann, Christian (1995) *Thoughts on Grammaticalization*. München, Newcastle: LINCOM Europa.
- Mahajan, Anoop (1989) Agreement and agreement phrases. *MITWPL* 10: 217-252.
- McCloskey, James. Resumption. To appear in the Syncom Project.
- McCloskey, James and Peter Sells (1988), Control and A-Chains in Modern Irish, *NLLT* 6, 143-190.
- Milsark, Gary (1974) *Existential Sentences in English* Ph.D. dissertation, MIT.
- Milsark, Gary (1977) Towards an explanation of certain peculiarities in the existential construction in English. *Linguistic Analysis* 3: 1-30.
- Moore, John (1998) Turkish copy-raising and A-chain locality. *Natural Language and Linguistic Theory*, 16:149–189.
- Morgan, T. J. (1952) *Y Treigladau a'u Cystrawen*. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru
- Nash, Lea (1996) The internal ergative subject hypothesis. *NELS* 26: 195-209.
- Perlmutter, David (1978) Impersonal Passives and the Unaccusatives Hypothesis. In J. Jaeger et al., eds., *Berkeley Linguistics Society* Vol. 4.
- Perlmutter, David and Scott Soames (1979) *Syntactic Argumentation and the Structure of English*, University of California Press, Berkeley.
- Ramchand, G. (2003) *First Phase Syntax*. ms, Oxford University.
- Rey-Debove, Josette. (1978) *Le métalangage*, Editions Le Robert, Paris.
- Rizzi, Luigi (1990) *Relativized Minimality*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Roberts, Ian. (2005) *Principles and Parameters in a VSO Language: A Case Study in Welsh*. Oxford: OUP.
- Ross, John Robert. 1967. *Constraints on Variables in Syntax*. Ph.D. thesis, Massachusetts Institute of Technology.
- Tallerman, Maggie. (1999) Welsh soft mutation and marked word order // Darnell, M. et al (eds.) *Functionalism and Formalism*. Amsterdam: John Benjamins.
- Ura, Hirouki (1996) *Multiple feature-checking: A theory of grammatical function splitting*. Doctoral dissertation, MIT.
- Woolford, Ellen (1993) Symmetric and asymmetric passives. *Natural Language and Linguistic Theory* 11:679-728.
- Woolford, Ellen (1997) Four-way Case systems: Ergative, nominative, objective, and accusative. *Natural Language and Linguistic Theory* 15:181-227.
- Woolford, Ellen (1999) Case Patterns. To appear in G. Legendre, S. Vikner, and J. Grimshaw eds., *OT Syntax*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.

Участники МСКЛ

АРКАДЬЕВ, Пётр Михайлович	(Институт славяноведения РАН, асп.)	peterarkadiev@yandex.ru
БЕРДИЧЕВСКИЙ, Александр Сергеевич	(МГУ, студ.)	alexberd@yandex.ru
БОГДАНОВ, Алексей Владимирович	(МГУ, студ.)	bidon@inbox.ru
ВОЛК, Виталий Сергеевич	(МГУ, студ.)	burzachilo@gmail.com
ВЫДРИН, Арсений Павлович	(СПбГУ, студ.)	senjacom@lsi.ru
ГОРИЦКАЯ, Ольга Сергеевна	(Белорусский государственный университет, асп.)	goritskaya@gmail.com
ДЕНИСОВА, Эльвира Степановна	(Кемеровский государственный университет, асп.)	q-12345-8@yandex.ru
ИОСАД, Павел Владимирович	(МГУ, студ.)	p.iosad@gmail.com
КОЗЛОВА, Мария Александровна	(МГУ, студ.)	mkozlova1987@mail.ru
КОЛОМАЦКИЙ, Дмитрий Игоревич	(МГУ, асп.)	lemon_tree@list.ru
КОНСТАНТИНОВА, Наталья Сергеевна	(СПбГУ, студ.)	natali_konst@mail.ru
МИНОР, Сергей Александрович	(МГУ, асп.)	sminor@mail.ru
ПАНТЕЛЕЕВА, Светлана Александровна	(Государственный Университет — Высшая Школа Экономики, студ.)	svetin@fryazino.net
ПАПЕРНО, Денис Аронович	(МГУ, студ.)	denis_paperno@mail.ru
СОКОЛОВ, Константин Владимирович	(Петербургский институт нуданки)	anikosta@mail.ru
СОСНИНА, Юлия Александровна	(Кемеровский государственный университет, асп.)	sosnina_yuliya@mail.ru
СТОЙНОВА, Наталья Марковна	(МГУ, студ.)	ashl@yandex.ru
ЦЮРУПА, Мария Алексеевна	(МГУ, студ.)	hlamushka@yahoo.com

[Эта страница намеренно оставлена пустой]